

Библиотека Института современного развития

ОТНОШЕНИЯ РОССИЯ–США: К НОВОЙ ПОВЕСТКЕ ДНЯ

Под общей редакцией И.Ю. Юргенса,
А.А. Дынкина, А.Г. Арбатова

Москва
Экон-Информ
2009

ББК 65.9(2Рос)8
О-84

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

профессора **И.Ю. Юргенса**, Председателя Правления Института современного развития

академика РАН **А.А. Дынкина**, директора Института мировой экономики и международных отношений РАН

члена-корреспондента РАН **А.Г. Арбатова**, руководителя Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА

Кулик Сергей Александрович

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

Арбатов Алексей Георгиевич

Барановский Владимир Георгиевич

Дворкин Владимир Зиновьевич

Дынкин Александр Александрович

Загашвили Владислав Степанович

Кириченко Элина Всеволодовна

Корзун Владимир Анатольевич

Кулик Сергей Александрович

Малашенко Алексей Всеволодович

Михеев Василий Васильевич

Ознобищев Сергей Константинович

Пикаев Александр Алексеевич

Тренин Дмитрий Витальевич

Хохлов Игорь Игоревич

Чуфрин Геннадий Илларионович

О-84 Отношения Россия–США: к новой повестке дня / Под общей редакцией проф. Юргенса И.Ю., акад. Дынкина А.А., чл.-корр. Арбатова А.Г. – М.: Экон-Информ, 2009. – 88 с.

Работа подготовлена на основе ряда исследований под эгидой Института современного развития, проведенных в преддверии встречи Президентов России и США в Великобритании в начале апреля 2009 г. Основное внимание уделено предложениям и рекомендациям по развитию российско-американских отношений в важных сферах политики и экономики.

ISBN 978-5-9506-0416-4

© Институт современного развития, 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
I. ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ	9
1. Стратегические вооружения.....	9
2. Противоракетная оборона	16
3. Расширение НАТО и европейская безопасность	20
4. ДОВСЕ	22
5. Tактическое ядерное оружие	28
6. Нераспространение	30
7. Борьба с международным терроризмом.....	34
8. Миротворческая деятельность	36
II. ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ	
РОССИЯ–США	38
1. Евро-Атлантический регион	38
2. Азиатско-Тихоокеанский регион	44
3. Россия, США и исламский мир.....	48
4. Проблемы СНГ	53
5. Ситуация в Афганистане	57
III. ПОВЕСТКА ДНЯ ДЛЯ БИЗНЕСА	62
1. Финансово-экономическое сотрудничество	62
2. Торгово-экономические связи. Общая оценка	64
3. Научно-техническое сотрудничество, образование.....	69
4. Энергетика	72
5. Ядерная энергетика	75
6. Экология.....	76
7. Арктика	78
IV. ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО	81
V. СТРУКТУРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	83
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	85

ВВЕДЕНИЕ

Отношения России и США переживают наиболее напряженный период после окончания «холодной войны». Приход к власти в США нового президента, завоевание демократической партией большинства в обеих палатах Конгресса, серьезные изменения настроений в американском обществе создают для перспектив двусторонних отношений как новые возможности, так, вероятно, и новые проблемы.

Давление «ястребов» может возрасти, особенно если ожидаемые инициативы Белого дома встретят твердый отказ со стороны российского руководства. Либеральный президент США будет постоянно испытывать давление изнутри от приверженцев жесткой линии. В случае обострения отношений не исключено, что Б.Обама будет вынужден доказывать свою «твердость и патриотизм» в большей мере, чем его предшественник.

Соединенные Штаты применяют узко ограниченную трактовку того, что можно считать «законными» интересами России за пределами ее границ. Зачастую любая внешнеполитическая и военная активность России воспринимается или как антиамериканские, или как неоимперские рецидивы советской политики.

В свою очередь, в России американскую политику и демократическую риторику нередко считают нацеленной на подрыв ее суверенитета и сложившегося политического строя, захват контроля над природными ресурсами. Резкое неприятие политики США возродило в сознании части российской элиты образ американского гегемонизма как «извечного врага» России – будь то коммунистической или ныне «встающей с колен».

В отличие от времен «холодной войны», между Россией и США отсутствует даже понимание того, в чем состоит главная

проблема отношений. Вот уже полтора десятилетия Москва добивается от Вашингтона признания СНГ сферой российских интересов, учета российских озабоченностей в организации европейской безопасности, сдержанности в военно-стратегической и военно-технической областях. Неготовность американских администраций пойти навстречу Москве и, напротив, распространение военно-политического влияния США на страны СНГ, инициативы в военно-технической сфере вызывали в России недоверие к Вашингтону, резко снизили потенциал российско-американского взаимодействия по широкому кругу международных проблем.

После смены администрации в 2009 г. Вашингтон не ориентируется на жесткую конфронтацию с Россией. Несмотря на наличие в руководстве исполнительной власти США сторонников политики «кнута и пряника» в отношении России, большинство новых деятелей пока настроены к Москве достаточно гибко, конструктивно и прагматически. Позитивные ожидания в США связаны главным образом с перспективами сотрудничества с Россией в области ограничения ядерных вооружений и нераспространения, прежде всего, на иранском направлении.

В свою очередь, для России с приходом нового руководства США открываются возможности активных шагов, направленных на то, чтобы «перевернуть страницу» в отношениях с Соединенными Штатами и внести в них реальные (в отличие от декларативных) и долгосрочные элементы взаимовыгодного сотрудничества. Этому способствует и мировой экономический кризис, который продемонстрировал взаимозависимость стран и необходимость их сотрудничества для решения кардинальных проблем экономического выживания. В том же направлении подталкивает продолжающееся осознание на Западе уроков кавказского конфликта августа 2008 г.,

показавшего неразумность и опасность политики игнорирования ясно заявленных интересов России.

Отношения с США остаются одним из приоритетных направлений российской внешней политики. От их состояния во многом зависит обстановка в области международной безопасности и стратегической стабильности, действенность борьбы с новыми вызовами и угрозами. С учетом влияния США, системы завязанных на Вашингтон союзнических обязательств и экономических связей, качество российско-американских отношений – один из ключевых факторов создания благоприятной внешней среды для устойчивого социально-экономического развития России.

Вместо того, чтобы заниматься поисками эфемерного равенства и дружбы с США или, напротив, постоянно видеть в них источник всех зол, России необходимо научиться сотрудничать с Соединенными Штатами в достижении собственно российских национальных целей. Без сотрудничества или, как минимум, нормализации отношений с США и заключения с ними новых договоренностей Россия не сможет обеспечить военно-стратегическую стабильность на глобальном уровне, построить новую систему европейской безопасности, предотвратить обострение конфликтности на постсоветском пространстве, эффективно противодействовать напору экстремизма. А в долгосрочном плане без взаимодействия с США будет гораздо труднее осуществить модернизацию российской экономики на основе высоких технологий.

Характер отношений в США остается противоречивым, сочетающим элементы как сотрудничества, так и принципиальных расхождений. Однако, в целом, реальные долгосрочные интересы России и США не представляются антагонистическими, а во многом и совпадают.

Признавая очевидную важность проблем безопасности и опасность конфликтов на постсоветском пространстве, представляется, что в нынешних условиях на первые места в списке приоритетов необходимо выводить снижение издержек беспрецедентного финансово-экономического кризиса и скорейший выход из него. Вместе с тем, в повестке дня отношений Россия–США актуальной является задача усилить акценты на развитии торгово-экономических и деловых связей и на повышении эффективности соответствующих механизмов. Следует также отметить, что ни в той, ни в другой стране не сформировались влиятельные группы экономических интересов, которым было бы выгодно сглаживание политических конфликтов между Россией и США, что представляется одним из самых уязвимых мест двусторонних отношений.

Задача позитивного развития российско-американских отношений требует также повысить внимание к вопросам публичной дипломатии, которая имела бы более выверенный, адресный и эффективный характер на американском направлении, к мероприятиям по противодействию насаждению негативного образа России и, по возможности, укреплению ее положительной репутации. При этом, естественно, нужно иметь в виду, что задача изменения отношения к России в США и в мире в целом имеет в большей степени морально-политический, а не технологически-прикладной характер. И главным ресурсом России, который не могут ни принизить, ни восполнить профессиональные имиджмейкеры, будут: ее реальные успехи по преодолению кризиса без социальных потрясений и выходу из него на новый уровень социально-экономического развития на базе инноваций и высоких технологий; успешная борьба с коррупцией; развитие подлинных институтов демократии и гражданского общества; продвижение

в решении демографических и экологических проблем, в возрождении Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера; осуществление эффективной военной реформы и др.

В данной работе Института современного развития под общей редакцией Председателя Правления профессора И.Юргенса, директора Института мировой экономики и международных отношений РАН академика А.Дынкина и руководителя Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН члена-корреспондента А.Арбатова основной упор сделан на предложениях и рекомендациях по тем направлениям, которые представляются приоритетными в повестке дня переговоров и имеют определенные перспективы для договоренностей в ближайшем будущем, а также для создания заделов в более долгосрочном плане. Она опирается на ряд исследований, проведенных в преддверии встречи Президента Российской Федерации Д.Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б.Обамы в Великобритании в начале апреля 2009 г. Коллектив авторов благодарит А.Л. Адамишина и А.В. Кортунова за ценные замечания и комментарии.

I. ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

1. Стратегические вооружения

Отношения в области стратегических вооружений на протяжении последних сорока лет являлись наиболее эксклюзивной сферой отношений России и США. Их ограничение и сокращение – это ниша мировой политики, где Россия пока еще имеет примерно равное с США положение. Именно в этой области Российская Федерация играет более важную роль по сравнению с другими странами мира и союзами государств, даже намного превосходящими ее по экономическому и политическому потенциалу и влиянию.

Особый статус России в мировой политике и во внешней политике Соединенных Штатов более всего был обусловлен ее ролью как партнера США в переговорах по стратегическим наступательным вооружениям (СНВ). Следует подчеркнуть, что речь идет именно о переговорах, а не просто о наличии у России большого ядерного потенциала, который после окончания «холодной войны» и прекращения прямой конфронтации сверхдержав сам по себе стал играть гораздо менее заметную политическую роль. Прерывистость переговорного процесса по СНВ в 1990-е гг. и его свертывание в текущем десятилетии заметно понизили место нашей страны в американской внешней политике и международных отношениях. Роль энергетической сверхдержавы не могла восполнить эту потерю по многим причинам, включая наличие крупных конкурентов и не очень престижный статус источника сырья для растущих экономик. В условиях прогнозируемого падения спроса на энергоносители политическое значение переговорного военно-стратегического ресурса будет возрастать.

Из этих достаточно общепринятых предпосылок вытекают некоторые, как представляется, нетривиальные выводы:

- возобновление переговоров по СНВ, как постоянного института, незаменимо в качестве инструмента восстановления особого статуса России во внешней политике США и в повестке дня всей международной безопасности;

- размеры ядерных потенциалов России и США и программы их модернизации гарантируют сохранение этого ресурса переговоров на весьма длительное время;

- новая заинтересованность США в данном вопросе дает России шанс продвинуться на других направлениях безопасности, с которыми этот вопрос связан в политическом, а подчас и военно-техническом отношении (противоракетная оборона (ПРО), космические вооружения, расширение НАТО и ядерные силы передового базирования США, высокоточные обычные вооружения и пр.);

- российско-американский диалог по стратегическим вооружениям был и может снова стать «несущей конструкцией» отношений двух великих держав и стабилизатором международной политики в целом;

- это тем более необходимо, поскольку в 2010 г. предстоит очередная Обзорная конференция по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), на которой, в случае отсутствия продвижения по СНВ, другие государства-члены Договора могут обвинить Россию и США в прямом нарушении их обязательств по ст. VI ДНЯО («вести переговоры по прекращению гонки ядерных вооружений») и провалить все попытки упрочения режима нераспространения.

Непосредственно положение в этой области характеризуется двойным тупиком – по сокращению СНВ и по диалогу вокруг планов строительства ПРО США в Европе.

Как известно, в декабре 2009 г. истекает срок российско-американского Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (он был подписан в 1991 г. и окончательно вступил в силу в 1994 г.; его называют СНВ-1). В соответствии с ним, к началу текущего десятилетия стороны сократили свои стратегические ядерные силы (СЯС) до уровней в 6000 боезарядов и 1600 носителей и ввели сложный комплекс качественных и структурных ограничений этих вооружений. Ему на смену должен был прийти московский Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП), подписанный в 2002 г. и предполагавший уменьшение СЯС до уровней 1700–2200 ядерных боезарядов. Однако России и США не удалось согласовать для этого договора ни правил зачета боеголовок (по сколько их зачитывать за каждым типом ракет), ни системы контроля соблюдения, и таким образом соглашение «повисло в воздухе».

Россия и США к настоящему времени параллельно несколько сократили свои СЯС (в 2008 г. до 850 и 1200 ед. по носителям и до 4100 и 5900 ед. по боеголовкам соответственно – по правилам зачета СНВ-1). Благодаря всеобъемлющему контролю по СНВ-1, стороны сейчас имеют детальное представление о состоянии СЯС друг друга. Но после истечения срока СНВ-1 они смогут полагаться только на национальные технические средства контроля, а Договор о СНП окончательно утратит связь с реальностью.

На лондонской встрече в верхах стороны согласились выработать новый договор на смену СНВ-1. Наше негативное отношение к Договору о СНП в том формате, как он практически существует, объясняется тремя главными моментами.

Во-первых, он ограничивает только ядерные боезаряды (в СНВ-1 речь идет просто о боезарядах). План США оснастить часть своих стратегических ракет обычными высокоточными бое-

головками в рамках концепции «Быстрого глобального удара» вывел бы такие средства из-под потолков 1700–2200 ед. То же относится к плану переоснащения 4 из 18 подводных лодок типа «Огайо» вместо баллистических ракет примерно 600 крылатыми ракетами морского базирования (КРМБ) с обычными боезарядами. Дополнительно еще часть тяжелых бомбардировщиков (ТБ) планируется переоборудовать для неядерных крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ). В целом такой потенциал высокоточного оружия (ВТО) на стратегических носителях, вызывающий растущее беспокойство России, может к 2015 г. достичь 2000 ед.

Во-вторых, неприемлем сложившийся де-факто принцип засчета, по которому упомянутые потолки США относят только к «оперативно развернутым» боезарядам, то есть к тем боеголовкам, которые, якобы, реально размещены в каждый данный момент на ракетах и бомбардировщиках, а не к тем, которые могут там быть, исходя из потенциала максимальной загрузки этих носителей (наличия «посадочных мест»). Такой подход позволяет США проводить сокращения по СНП преимущественно путем «разгрузки» – т.е. снятия и перемещения на склады части боеголовок и крылатых ракет с многозарядных баллистических ракет и бомбардировщиков, не демонтируя при этом сами носители. Разница между полной (по правилам засчета СНВ-1) и «оперативной» загрузкой СЯС, объявленной Пентагоном, может быть очень велика (в настоящее время достигает порядка 300 ед. по носителям и 3000 ед. по боезарядам).

Вопреки широко распространенному заблуждению, проблема не в том, что США не ликвидируют сокращаемые ядерные боезаряды. На самом деле, проблема в том, что, сокращаясь путем «разгрузки» носителей, США оставляют себе возможность выйти из договора (как они вышли из Договора по ПРО в 2002 г.) и быст-

12

ро вернуть боезаряды на ракеты, резко увеличив ядерную мощь (на 2000–3000 ядерных боеголовок) за счет использования так называемого «возвратного» потенциала. В силу асимметрии в технических характеристиках и фазах развития СЯС у России к 2012 г. все носители будут «загружены» полностью, и в пределах потолков 1700–2200 ед. у нее такого возвратного потенциала не будет.

В-третьих, СНП, в отличие от СНВ-1, не запрещает базирование стратегических сил вне национальной территории, что гипотетически может создать проблемы в контексте расширения НАТО (особенно с использованием тяжелых бомбардировщиков в ядерном и обычном оснащении).

Оптимальным вариантом выхода из стратегического тупика было бы юридически обязывающее соглашение до истечения срока СНВ-1 в декабре 2009 г. – достаточно простое и не требующее длительных переговоров. Продление действия СНВ-1 – возможный, но не лучший вариант, поскольку количественные ограничения этого договора намного выше уровней сил сторон, а качественные – в некоторых аспектах связывают свободу рук России. К тому же система контроля СНВ-1 чересчур обременительна и избыточна для нынешних условий.

Новое соглашение можно условно назвать «СНВ-плюс», а из уровней нынешнего СНП (1700–2200 ед.) взять за основу нижний, то есть 1700 ед., и уменьшить его до 1600 или 1500 ед. Собственно, такой подход и предполагало совместное Заявление РФ–США, принятое в Лондоне в апреле 2009 г. Если не хватит времени заключить до декабря 2009 г. полномасштабный договор, то можно на первом двустороннем саммите подписать «рамочное соглашение» (как СНВ-3 в 1997 г.) с новым уровнем сокращений.

Главная проблема не в уровне, а в правилах засчета боезарядов и правилах их сокращения путем «разгрузки» боеголовок, чтобы не сохранялся большой возвратный потенциал (т.е. возможность быстро вернуть боеголовки со складов на ракеты)¹. Это новое соглашение можно представить на обзорной Конференции по ДНЯО в 2010 г. как свидетельство выполнения обязательств по ст. VI Договора (о ядерном разоружении).

Что касается обычных боеголовок, то нужно добиться от США согласия на засчет баллистических ракет с ВТО наравне с ядерными боезарядами. Американцы пока не планируют развертывать большое число таких боеголовок на баллистических ракетах морского базирования «Трайидент-2» (максимум несколько десятков), и при достаточно высоком общем потолке (1500 ед.) это мало ущемит их ядерные силы. А крылатые ракеты на 4 подводных лодках типа «Огайо» и переоборудованных ТБ следовало бы отделить так же, как по СНВ-1 были отделены тяжелые бомбардировщики, переоборудованные для неядерных задач. (Они должны иметь обозреваемые функциональные технические отличия² от ядерных бомбардировщиков, базироваться отдельно и располагаться на авиабазах не ближе 100 км от складов с ядерными воо-

---

¹ Например, при уровне в 1500 боеголовок, в зависимости от упомянутых правил засчета и разгрузки, силы США могут насчитывать 14 подводных лодок с 336 ракетами «Трайидент-2», 200 межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования (МБР) «Минитмен-3» и 70 бомбардировщиков – или всего 4 подводные лодки с 96 баллистическими ракетами (БРПЛ), 100 МБР и 20 бомбардировщиков (при правилах СНВ-1).

² Этот принцип был введен в рамках договора ОСВ-2 от 1979 г. и сохранился в СНВ-1 и подразумевает, что стратегические носители, переоборудованные для неядерных задач, должны отличаться заметными для средств контроля техническими отличиями, не позволяющими им нести ядерное оружие без обратного переоборудования. Например, тяжелые бомбардировщики, переоснащенные для неядерных КРВБ, должны иметь пилоны и внутрифюзеляжные пусковые установки, не приспособленные для ядерных КРВБ.

ружениями.) Примерно такие же правила можно было бы установить для лодок «Огайо» с неядерными крылатыми ракетами. (Причем США должны предложить надежные методы различения неядерных и ядерных крылатых ракет морского базирования.)

В связи с проблемой «оперативно развернутых» вооружений нужно отметить, что по СНВ-1 часть сокращений тоже осуществлялась путем «разгрузки». Были согласованы правила, в соответствии с которыми можно было снять не более 2 боеголовок с каждой ракеты без замены платформы разведения разделяющихся головных частей индивидуального наведения (РГЧ ИН) и не более 4 боеголовок даже при замене платформы. Поскольку замена платформы – дело дорогостоящее и долгое (и иногда требует проведения новых летных испытаний), такое ограничение довольно жестко связывало возвратный потенциал. На этой основе можно было бы найти компромиссное решение и сейчас – например, несколько «либерализовать» правила «разгрузки» по СНВ-1, скажем, не больше 3–4 боеголовок без замены платформы разведения и не больше 5–6 с такой заменой.

Поскольку главным образом эта проблема связана с сокращением БРПЛ «Трайдент-2», ее, как вариант, можно было бы решить и путем приведения части пусковых установок на подводных лодках в неиспользуемое состояние, а лишние ракеты демонтировать и ограничить число разрешенных неразвернутых ракет в хранилищах, как предусматривалось по СНВ-1. Тогда остающиеся в боевом составе БРПЛ были бы загружены боеголовками почти полностью, а возвратный потенциал США был бы жестко лимитирован. Дополнительно некоторую гарантию дало бы ограничение на число стратегических носителей сторон (скажем, на уровне 700–800 единиц).

Россия легко впишется в потолок 1500 боезарядов к 2013, а тем более к 2015 или 2020 г., сняв выработавшие свой ресурс

вооружения и сэкономив тем самым немалые средства на продление их службы. В отмеченные сроки и в указанных потолках СНВ Россия будет иметь полностью обновленные стратегические силы (в составе МБР «Тополь-М», БРПЛ «Булава-30» на подводных лодках проекта 955 «Юрий Долгорукий» и ТБ Ту-160 с крылатыми ракетами), сохраняя при этом паритет и стабильное сдерживание в балансе с США.

Условие засчитывать некоторые типы стратегических носителей в неядерном оснащении как ядерные, а в отношении других применять принцип функционально обусловленных контролируемых различий на нынешнем этапе способно косвенно ограничить развитие ВТО. Что касается непосредственного ограничения этого оружия (которое развивает и Россия³), то с ним, вероятно, придется решать вопросы на отдельных переговорах по мерам ограничения вооружений, доверия и транспарентности. Эти договоренности должны ставить задачу недопущения нового дестабилизирующего фактора в виде угрозы нанесения стратегического разоружающего удара с применением неядерных средств поражения. В то же время, Россия и США, видимо, захотят иметь ограниченный потенциал такого рода для локальных операций.

2. Противоракетная оборона

В отношении военно-технической стороны вопроса наша нынешняя тревога в связи с планами строительства ПРО в Европе в рамках заявленных параметров (10 антиракет) представляется преувеличенной (видимо, по политическим мотивам). Как по количеству планируемых антиракет в Польше, так и по техническим характеристикам антиракет и радара в Чехии эта система

---

³ Так, для тяжелых бомбардировщиков разработана КРВБ типа Х-101, которая может нести ядерную и неядерную боевую часть.

весьма незначительно затронет российский потенциал ядерного сдерживания. По некоторым оценкам, теоретически и при самом благоприятном для них стечении обстоятельств антиракеты США из Польши могли бы «догнать» несколько МБР, запускаемых с западных или самых южных российских баз – да и то лишь в случае их нацеливания на восточное побережье США (Бостон, Нью-Йорк, Вашингтон). Однако антиракеты данного типа никогда не испытывались в таком режиме перехвата, а на этих базах развернута только часть МБР России.

Другое дело, что заявленное развертывание ПРО в Европе не может Россией игнорироваться при всей незначительности ее потенциала против имеющихся российских сил ядерного сдерживания. Ведь американская программа ПРО, пользуясь вашингтонской терминологией, это программа с «открытым продолжением». Иными словами, ни США, ни их союзники не дают никаких гарантий, что через некоторое время этих ракет не станет больше, что они не будут размещены на других базах, ближе к предполагаемым траекториям российских МБР и БРПЛ, что они не будут дополнены системами перехвата на активном (разгонном) участке полета и не будут «надстроены» эшелонами морского, авиационного, космического базирования, в том числе с использованием средств на новых физических принципах (лазерных и других).

Понятно, что просто отказаться от ПРО в Европе для новой администрации США трудно по политическим соображениям. Это воспринималось бы на Западе как уступка под давлением или как потеря «козыря» на переговорах, которому в России придают столь важное значение. Вместе с тем, Вашингтон желал бы найти с Россией взаимоприемлемое решение и не хочет еще большего обострения политических отношений.

Кроме того, если оценивать угрозу будущих иранских и иных ракет с южных азимутов всерьез даже в гипотетическом плане (что следует из предложений Москвы по габалинской и армавирской радиолокационным станциям (РЛС), то совершенно очевидно, что радары сами по себе могут обеспечить не защиту от удара, а лишь предупреждение о нем. Причем РЛС в Габале и Армавире способны дать только раннее предупреждение и сопровождение на начальном участке траектории, но не сопровождение на среднем ее участке и тем более – не наведение ракет-перехватчиков.

В то же время, пока у Ирана нет ракет средней дальности (РСД), способных угрожать Европе, и тем более межконтинентальных ракет, достигающих территории США. В таких условиях практически любое одностороннее развертывание системы ПРО США или НАТО в Европе неизбежно будет восприниматься в Москве как первый этап программы, направленной против российского потенциала сдерживания.

При всей сложности этой проблемы она решаема – разумеется, при наличии доброй воли сторон и умении организовать ведомства исполнительной власти для эффективных переговоров. Приход к власти в США нового руководства, критически относящегося к программе ПРО республиканской администрации, может облегчить решение этой проблемы.

Основой договоренности по ПРО могли бы стать предложения Президента Российской Федерации В.Путина летом 2007 г. Они состояли в том, чтобы использовать РЛС раннего предупреждения в Азербайджане (Габала) для обнаружения и сопровождения запусков ракет с южного направления (в сектор входят, при некоторой корректировке направленности излучения, помимо Ирана, Ирак, Саудовская Аравия, Афганистан, Па-

18

кистан, Индия). Этот радар мог бы быть подключен к Центру по обмену данными о ракетных пусках (ЦОД) в Москве, который был заложен по российско-американскому соглашению от 1998 г., но впоследствии оказался фактически «заморожен». Причем В.Путин предложил перепрофилировать Центр с функции сбора данных на функционирование «в реальном масштабе времени», т.е. немедленную засечку факта ракетного запуска и обмен информацией о нем. Затем последовало предложение о подключении к этой системе РЛС нового поколения типа «Воронеж», сооружаемой около Армавира, и о создании аналогичного Центра в Брюсселе для придания системе многостороннего характера в контексте отношений Россия–НАТО.

Начать развязывание этого узла противоречий следовало бы с согласия о том, что план развертывания ПРО в Европе будет отложен хотя бы до выяснения реальных ракетных угроз. «Тайм-аут» в любом случае потребует новой администрации для выработки своего подхода к программе ПРО и активизации усилий решить иранские проблемы дипломатическим путем. Тем временем можно было бы создать совместную комиссию экспертов для оценки иранской ракетной программы. Для этого, в частности, использовать габалинскую РЛС, возродить и перепрофилировать московский ЦОД на принятие и обработку информации с этого радара (а также, возможно, с армавирской РЛС) в «реальном масштабе времени».

Что касается антиракет, то можно было бы достичь юридически обязывающей и контролируемой договоренности, что ракеты-перехватчики не будут размещаться в Польше или где-либо еще в Европе до тех пор, пока Иран действительно не испытает РСД или МБР. В этом случае Россия была бы уверена, что ПРО не предназначена против нее.

Если Иран будет продолжать испытания ракет все большей дальности, то можно предложить США промежуточный вариант соглашения, хотя бы, скажем, сроком до 2015 г. – о том, что в Европе не будет развернуто больше 10 антиракет. Этого по нынешним американским планам достаточно для отражения иранского удара, но такой вариант не представит угрозы для ракетных сил России. (Напомним, что по Договору по ПРО сторонам сначала разрешалось иметь по 200 антиракет, а затем по 100 антиракет, причем с ядерными боезарядами.) Для США это было бы фактически возвратом к договору об ограничении ПРО, правда, теперь вне национальной территории. Срок действия соглашения по ПРО можно совместить со сроком действия нового договора по СНВ и тем самым создать стимул для США избегать в этой сфере односторонних шагов (возродив косвенно взаимосвязь ограничений на СНВ и ПРО).

3. Расширение НАТО и европейская безопасность

После окончания «холодной войны» трансформация НАТО приняла формы геополитического расширения, налаживания сотрудничества с Россией (через, например, Совет Россия–НАТО (СРН), перестройки военной организации под новые задачи – военные и миротворческие действия вне зоны прежней ответственности. При этом сохранилась, хотя и в менее выпуклой форме, прежняя функция военного союза для коллективной обороны от общего врага (согласно ст. V Вашингтонского Договора 1949 г.), на которую делают главный упор новые и вероятные члены альянса – Польша, страны Балтии, Грузия и Украина.

Процесс расширения на постсоветское пространство вызвал предсказуемый рост напряженности в отношениях с Россией и, в частности, стал одним из факторов пятнадцатидневной войны в 20

августе 2008 г. Это обуславливает тенденцию возврата альянса к привычной и испытанной функции коллективного противодействия России – теперь уже на постсоветском пространстве, которое в этой роли идет на смену изначально породившей НАТО конфликтной зоне в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ).

Несмотря на низкую вероятность преднамеренного широкомасштабного военного нападения на Россию, расширение НАТО к ее границам, особенно на Украину, имело бы пагубные последствия:

- новые границы стали бы постоянной зоной насилия и противоправных действий;
- в России возник бы комплекс разделенной нации;
- резко затруднились бы экономические, гуманитарные и военно-технические отношения с Украиной и транзит через ее территорию;
- Россия лишилась бы ряда важных военных объектов (например, базы Черноморского флота) и открылось бы обширное новое «окно уязвимости» в системе обороны;
- это толкало бы Россию в сторону высокочрезвычайного блокирования с антиамериканскими режимами по всему миру;
- произошло бы серьезное усиление антизападных и авторитарных настроений в России;
- это приостановило бы военную реформу, вновь перенацелив армию на традиционные планы большой войны на европейском театре, и (как крайний вариант) повлекло бы переход на мобилизационную милитаризованную экономику;
- последнее по счету, но не по значению: это может привести к политической дестабилизации Украины, вплоть до раскола и массового насилия, которое вовлекло бы Россию и Запад в прямое противостояние.

Вступление Грузии в НАТО менее опасно для России в политическом отношении, но увеличило бы угрозу военного конфликта в случае попытки Тбилиси под прикрытием НАТО взять реванш в Абхазии, Южной Осетии или на Северном Кавказе.

Главным условием начала процесса преодоления недоверия и неопределенности в отношениях Россия–США является, как минимум, откладывание расширения НАТО на постсоветское пространство на неопределенное будущее. Со своей стороны, России следует на самом высоком уровне сделать всемерный упор на свою роль в качестве гаранта территориальной целостности и суверенитета соседей по СНГ, конечно, при условии сохранения ими нейтрального военно-политического статуса. Это особенно важно после событий августа 2008 г.

Одновременно, в свете очень высоких ставок США, а также НАТО и других стран на предотвращение реванша талибов в Афганистане, России на афганском треке целесообразно, помимо содействия транзиту через ее территорию, принять четкую линию на расширение экономической и гуманитарной помощи, на участие российских советников и возможность осуществления военных поставок. Таким путем можно в конце концов добиться и признания Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) со стороны НАТО, налаживания между ними сотрудничества на коллективной основе и закрепления ключевой роли России на постсоветском пространстве.

4. ДОВСЕ

Положение с разоружением в части сил общего назначения в Европе не относится к числу самых острых и приоритетных для отношений России и США. В то же время с приходом новой администрации в Вашингтоне этому вопросу могут уделить серьезное внимание.

Во-первых, предсказуемое повышение интереса администрации Б.Обамы к гармонизации союзнических отношений в НАТО, в том числе в военном плане, поставит вопрос о снятии неопределенности с Договором об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), как с важным фактором долгосрочного стратегического планирования.

Во-вторых, сохранение, пусть и в отложенном формате, заинтересованности в теме дальнейшего расширения НАТО на Украину и Грузию также обусловит внимание к судьбе ДОВСЕ.

В-третьих, в контексте новых предложений по ядерному разоружению, которые готовятся в Вашингтоне, весьма вероятно, что будет поставлен вопрос о тактическом ядерном оружии (ТЯО), наибольшая часть которого размещена в Европе. Он не может рассматриваться вне связи с балансом сил общего назначения и будущим ДОВСЕ.

Соглашение об адаптации ДОВСЕ (заключен в 1990 г.), основанное на новых «внеблоковых» принципах, было подписано на стамбульском саммите Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) 19 ноября 1999 г. Фактически, по новизне параметров и подходов, это означало появление нового Договора, который, в отличие от своего предшественника, сокращает потолки (объем прав), а не фактическую численность вооружений стран-участников. Зато повышается уровень безопасности в Европе, поскольку вся ее территория оказывается поделенной на «клеточки» национальных предельных уровней (НПУ) и территориальных предельных уровней (ТПУ), в которых количество тяжелых наступательных вооружений (танки, бронемашин, артиллерия) строго регламентировано, а существенная их передислокация, в том числе переброска войск НАТО на восток, крайне затруднена.

Кроме того, в ходе саммита 1999 г. были приняты совместные заявления России с Грузией и с Молдовой, которые прилагаются к стамбульским договоренностям и упомянуты в итоговом документе. Они не содержат конкретных обязательств, но в них говорится о том, что Россия к определенному сроку завершит переговоры о сроках и порядке вывода баз с территории Грузии. В случае с Молдовой Россия обещала «рассмотреть вопрос» о складированных вооружениях и боеприпасах, оставленных с советских времен в Молдове и находящихся на территории самопровозглашенной Приднестровской республики.

После вывода баз с территории Грузии к 2007 г. Россия настаивала, что выполнила все свои обязательства по стамбульским соглашениям. Однако на конференциях по рассмотрению действия Договора постоянно звучали заявления грузинской стороны о, якобы, систематических нарушениях Россией своих обязательств. Со стороны партнеров по ДОВСЕ слышались и постоянные упреки в отношении обязательств по Молдове.

Создававшаяся ситуация вполне могла рассматриваться как «юридически ничтожная» по сравнению с масштабной целью и задачами Договора. Однако партнеры по ДОВСЕ не желали идти на компромисс по двум главным причинам.

Во-первых, Запад утратил интерес к сокращению вооруженных сил в Европе в чисто военном плане. После выполнения сокращений по базовому Договору 1990 г., с распадом СССР и в ходе расширения НАТО на 12 новых стран Североатлантический союз приобрел многократное общее превосходство над Россией по танкам, бронемашинам, артиллерии, боевым самолетам и вертолетам. При этом НАТО сокращает вооруженные силы и в совокупности на 30–40% не «выбирает» положенные блоку квоты. Нынешний альянс в составе 28 стран имеет в общей сложности меньше вооруже-

24

ний, чем было у него в 1990 г. в составе 16 государств. Главное, что ценилось на Западе в ДОВСЕ – это беспрецедентная прозрачность и всеобъемлющий контроль над вооруженными силами и военной деятельностью России и ее партнеров по ОДКБ.

Во-вторых, Запад возвел стамбульские договоренности по зарубежным базам в принцип – заставить Россию демонтировать военное присутствие там, где постсоветские республики его не желали (о войсках, силах и объектах в остальных семи из девяти стран Содружества Независимых Государств (СНГ) вопрос не поднимался, во всяком случае, официально). Таким образом, преследовалась главная цель Запада в отношении СНГ – воспрепятствовать поддержанию здесь военно-политического доминирования России.

В итоге адаптированный Договор ратифицировали парламенты всего 4 из 30 государств (России, Белоруссии, Украины и Казахстана).

С российской стороны также постоянно возрастал объем претензий к партнерам. Наиболее значительные из них: отсутствие квот на страны Балтии; превышение в результате расширения НАТО изначальных групповых ограничений ДОВСЕ (потолков, но не реального количества вооружений); сохранение фланговых ограничений для России, к которой (наряду с Украиной, Турцией и Казахстаном) такие ограничения применяются.

В итоге многолетних безуспешных попыток добиться ратификации адаптированного ДОВСЕ, а также на фоне общего ухудшения отношений с Западом Москва в июле 2007 г. объявила о предстоящем введении моратория – одностороннем «приостановлении» Россией выполнения Договора, что и было сделано в декабре того же года. К тому же, в качестве условия возврата в ДОВСЕ было выдвинуто несколько дополнительных требований к НАТО в соответствии с прежними претензиями России, но сверх

условий базового и адаптированного вариантов Договора. При этом Россия формально не денонсировала ДОВСЕ, не нарушила его квоты (в том числе фланговые), а ограничилась прекращением действия системы транспарентности и контроля.

В конечном счете, руководство альянса отодвинуло эту тему на задний план, как неперспективную. Кавказская война 2008 г., признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии и размещение там военных баз похоронили стамбульские договоренности и окончательно «запломбировали» тупик с реализацией адаптированного ДОВСЕ. Его ратификация для НАТО теперь вряд ли вообразима без возвращения Грузии двух непризнанных со стороны Запада республик и вывода оттуда российских войск – а это немыслимо для России.

Для выхода из создавшейся тупиковой ситуации некоторыми российскими экспертами и политиками предлагается полностью отставить уже заключенный Договор как «несправедливый» для России и начать переговоры по новому соглашению. В этом контексте выдвигается идея возврата к блоковому подходу и установления количественного равенства между численностью основных обычных вооружений на европейской территории России и всего блока НАТО (как вариант, между ОДКБ и НАТО).

Представляется, что призыв вернуться сегодня к подходу более чем двадцатилетней давности не только не найдет поддержки, но и вызовет серьезное противодействие в Европе и со стороны США. Это будет расценено как серьезный откат назад – к понятиям и разделительным линиям «холодной войны». К тому же крайне проблематично подвигнуть НАТО пойти на многократно более масштабные сокращения своих вооружений до равных с Россией или ОДКБ уровней, как этого добился Запад от СССР и Организации Варшавского Договора (ОВД) в конце

26

1980-х гг. Не факт, что все российские союзники по ОДКБ будут приветствовать такой вариант, равнозначный оформлению ОДКБ в качестве полномасштабного военного блока.

С другой стороны, кавказский вооруженный конфликт впервые заставил ряд ведущих государств НАТО поставить под сомнение логику расширения альянса на восток, прежде всего на Украину и Грузию. Закрепить такое отношение договорно-правовым образом является ныне важной и неотложной задачей. Если это удастся, то останется шанс на дальнейшее ограничение обычных войск и вооружений в Европе, пусть и в более отдаленном будущем.

В краткосрочном плане отказ НАТО от расширения на Украину и Грузию и от предоставления Плана действий по членству в НАТО (ПДЧ) может быть существенно подкреплён со стороны России. Конкретно, в качестве ответного жеста доброй воли можно вернуться в режим транспарентности и всеобъемлющего контроля ДОВСЕ, отложив тему его ратификации и улучшения на более отдаленное будущее. Это было бы высоко оценено в Европе. Для России, если она всерьез обеспокоена уже состоявшимся расширением НАТО на 12 стран, такой режим еще более полезен с точки зрения военной безопасности. Дополнительно, по тем же мотивам, можно потребовать распространения такого режима (даже без установления формальных квот на вооружения) на страны Балтии (а возможно, и Грузию) на основе взаимности.

В среднесрочном отношении восстановление и введение в силу, с теми или иными поправками, адаптированного ДОВСЕ, переговоры о дальнейших более глубоких сокращениях и ограничениях обычных вооружений в Европе могут стать важным направлением сближения России и Евросоюза, улучшения отношений с США и создания новой системы европейской безопасности.

Тут главным «козырем» России может стать вопрос сокращения и ликвидации ТЯО, к которому растет интерес США и их европейских союзников. Без радикального сокращения сил общего назначения НАТО в Европе и бесповоротного отказа от расширения альянса, без упразднения ситуации фактического военного противостояния НАТО–Россия (ОДКБ) никакие радикальные меры разоружения в части ТЯО невозможны. Такая позиция будет абсолютно логична, понятна и приемлема для остальной Европы, а может быть и для НАТО в целом.

При этом политически тупиковый вопрос Южного Кавказа можно решить выделением этой зоны в «специальный район ограничений» (как в свое время со странами Балтии в рамках адаптированного ДОВСЕ) и применить к нему меры стабильности по аналогии с Балканами. В дальнейшем территориальные вопросы Южного Кавказа и Балкан должны решаться в контексте новой архитектуры европейской безопасности.

5. Тактическое ядерное оружие

Россия видит в ТЯО инструмент нейтрализации превосходства НАТО по силам общего назначения, особенно в свете вероятности дальнейшего расширения альянса на восток. Поэтому наша сторона не хочет никаких переговоров по этому вопросу. США в прошлом тоже избегали этого, стремясь сохранить свои ядерные силы передового базирования в Европе (в настоящее время в составе 400–500 тактических ядерных авиабомб для истребителей-бомбардировщиков) в качестве дополнительного военного преимущества над Россией и политической «узды» для союзников по НАТО.

Нынешний ренессанс идеи ядерного разоружения и продвижение в сокращении СЯС, скорее всего, поднимет вопрос о

ТЯО. К тому же увязка этого вопроса с прекращением расширения НАТО на восток и продвижением по ДОВСЕ не только обоснованна, но может стать дополнительным средством достижения этих двух целей. Тогда применительно к ТЯО можно было бы договориться, в качестве первого шага, о перемещении всех тактических ядерных сил с передовых баз вглубь национальных территорий на объекты централизованного хранения (т.е. фактически в резерв).

В этом контексте США выведут свои 400–500 авиабомб с 8 складов из 6 стран Европы, а Россия перенесет примерно 2000–3000 бомб и боеголовок с баз ВВС и ВМС на своей территории на централизованные склады. Такая договоренность означала бы для Российской Федерации сохранение возможности вернуть ТЯО в войска в случае возникновения угрозы безопасности. (Более того, если полагаться на заявления высших российских военачальников, все или почти все средства ТЯО уже перемещены в централизованные хранилища России.)

Объединять сокращение и ликвидацию ТЯО с сокращением СЯС нельзя, поскольку ТЯО используют носители двойного назначения (самолеты, ракеты малой дальности, боевые средства кораблей и подводных лодок, артиллерию). Поэтому сокращение ТЯО, в отличие от СЯС, невозможно осуществлять и контролировать через ликвидацию носителей. По той же причине исключительно трудно договориться о сокращении ТЯО до каких-то уровней и проконтролировать такие меры – ведь пришлось бы инспектировать не средства доставки, а контейнеры с бомбами и боеголовками на складском хранении, что вряд ли приемлемо для обеих сторон.

Однако полный вывод ТЯО с передовых баз контролировать легче: склады, дислокация и признаки которых хорошо из-

вестны, были бы просто пусты. переброска на централизованные хранилища уберет ТЯО с передовых позиций и к тому же обеспечит наибольшую сохранность от угрозы захвата террористами, несанкционированного перемещения или применения.

6. Нераспространение

Москва и Вашингтон традиционно сотрудничали в становлении и укреплении международных режимов нераспространения. Как и другие ядерные державы, они не хотели бы дальнейшего расширения ядерного клуба. Однако, нераспространение в списке национальных приоритетов занимает у России и США разное место.

Соединенные Штаты опасаются распространения ядерного оружия, поскольку его появление у ряда региональных держав, например Ирана, может существенно ограничить свободу рук для американских вооруженных сил по проведению интервенций в ключевых регионах мира или создать прямую угрозу зарубежным партнерам США. Это существенно урежет глобальное «проецирование военной силы» – важнейший элемент статуса единственной мировой военной сверхдержавы, который активно демонстрировался ею в последние двадцать лет.

Кроме того, США отделены от основного континента распространения – Азии – океанами. Их национальная территория серьезно уязвима для ядерных сил только двух государств: России и, в перспективе, Китая. Естественно, Вашингтон стремится предотвратить появление новых стран, способных доставить ядерное оружие на территорию США и причинить им катастрофический ущерб. Этому пытаются добиться как путем политики (в том числе силовой) нераспространения, так и через развертывание систем ПРО.

В обозримом будущем Россия не планирует проведение интервенционистских операций. Защита национальной территории от ядерного удара обеспечивается наличием крупного ядерного потенциала ответного или упреждающего удара, который будет на несколько порядков превышать ядерные силы любого потенциального нового ядерного государства. Кроме того, район столицы должен защищаться комплексом ПРО вокруг Москвы. Таким образом, Москва, скорее, полагается в основном на ядерное сдерживание (и дипломатию) даже при наихудшем варианте распространения ядерного оружия.

Россия находится в центральной части Евразии, и ее территория уязвима для ядерных сил таких стран, как США, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Пакистан, Израиль и, возможно, КНДР. В этих условиях появление нового ядерного государства качественно не меняет сложившейся ситуации.

В то же время, Россия может использовать повышенный интерес США к этой теме и пойти навстречу в вопросах нераспространения, если США пойдут навстречу России в вопросах, имеющих особую важность для нее (отказ от расширения НАТО на восток, принятие приемлемого договора на смену СНВ-1, соглашение по ПРО в Европе, партнерство по ядерной энергетике и др.).

В краткосрочной перспективе весомым плюсом России является взаимодействие с США по иранской ядерной проблеме. Россия имеет собственные интересы, связанные с Ираном, и заинтересована в развитии отношений с этой страной. Нынешняя политика медленной эскалации санкций СБ ООН против Тегерана уже сейчас вредит развитию российско-иранских отношений, но не способна остановить его ядерную программу. Позиция Российской Федерации (и КНР) о недопустимости более жестких санк-

ций и тем более силового решения, как и неудачи США в иракской войне, позволяют Ирану рассчитывать на безнаказанность.

Если администрация Обамы начнет реальный и быстрый вывод войск из Ирака, то у Ирана появится серьезный повод для беспокойства ввиду высвобождения больших военных ресурсов США. Тем более это относится к выработке единой позиции США и России (и других государств «шестерки») в отношении предела наращивания иранского комплекса обогащения урана, после которого могут последовать жесткие санкции (скажем, блокада авиа- и морского сообщения). Скорее всего, Иран тогда может пойти на уступки по ядерной и ракетной программам, а США – навстречу России по другим вопросам.

Другой возможный прорыв связан с шестисторонним процессом переговоров по ядерному разоружению КНДР. Помимо денуклеаризации Корейского полуострова, переговоры могли бы обеспечить России укрепление своих позиций в регионе, включая отношения с КНДР, Южной Кореей и Японией. В случае решения об оказании содействия Пхеньяну в развитии его атомной энергетики в обмен на разоружение, Россия будет иметь возможность предложить поставки на северокорейский реактор топлива из международного центра в Ангарске и вывоз отработанного ядерного топлива (ОЯТ) для переработки. Правда, в этом вопросе, в отличие от иранского, самую большую роль играет не Россия, а Китай. Однако Пекин вряд ли захочет противопоставлять себя общей позиции других четырех стран, и к тому же его содействия можно добиться за счет отказа от развертывания американской ПРО в регионе (что предполагает свертывание и ракетной программы КНДР).

В среднесрочном плане приход к власти администрации Обамы расширяет возможности сотрудничества между Россией и

32

США по целому ряду проблем нераспространения. США, судя по всему, готовы пойти на ратификацию Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и возобновить свое участие в переговорах по выработке Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в оружейных целях (ДЗПРМ).

Другая перспективная область сотрудничества – укрепление режима Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), в том числе в контексте предстоящей в 2010 г. Обзорной конференции ДНЯО. Некоторые эксперты полагают, что его следует дополнить положениями, затрудняющими выход из этого Договора. Это не должно менять статьи Договора, но призвано помешать каким-либо государствам воспользоваться выгодами мирного ядерного международного сотрудничества в рамках ДНЯО, а после выйти из Договора и создать ядерное оружие. Положения, затрудняющие выход из ДНЯО, можно было бы юридически оформить посредством дополнительного протокола и открыть его для подписания на Обзорной конференции в 2010 г. В этом вопросе содействие России имело бы решающее значение.

Еще одна потенциальная сфера сотрудничества – создание многостороннего ядерного топливного цикла. Его идея состоит в том, чтобы, с одной стороны, сохранить право неядерных государств на пользование выгодами мирной атомной энергетики, а с другой – предотвратить развитие ими технологий двойного назначения (обогащение урана и сепарация плутония), которые можно применять при создании ядерного оружия. Россия уже создает международный центр по обогащению урана на базе комбината в Ангарске (Иркутская обл.). США, другие страны и МАГАТЭ продвигают свои идеи в этой сфере, которые во многом дополняют друг друга.

7. Борьба с международным терроризмом

Как и нераспространение, противодействие международному терроризму представляет собой одну из основных сфер общих или параллельных интересов России и США. Сотрудничество в данной области включает обмен информацией по линии спецслужб, а также, в ряде случаев, проведение совместных операций по пресечению незаконной деятельности. Осуществляются и совместные профилактические мероприятия, в частности, по повышению безопасности российских запасов оружейных материалов в рамках Глобального партнерства «большой восьмерки», а также по репатриации в Россию топлива исследовательских реакторов советского производства на высокообогащенном уране.

У Соединенных Штатов и России есть расхождения в определении основных источников международного терроризма. Наша страна сталкивается преимущественно с экстремизмом суннитского происхождения на Северном Кавказе и в Центральной Азии. Со своей стороны, США стали жертвой терроризма, питаемого не только идеологией радикального суннизма, но также шиизмом и арабским национализмом. Это создает объективные предпосылки для разного восприятия Россией и США угроз, исходящих от стран Ближнего и Среднего Востока, Судана, а также влиятельных радикальных группировок в этом регионе.

Само по себе подобное несовпадение подходов не должно приводить к резким практическим разногласиям при проведении повседневной политики. Более серьезную проблему представляют попытки США использовать борьбу с международным терроризмом для расширения и закрепления своего военно-политического влияния в регионах важных российских интересов, например, в черноморско-каспийском бассейне. Эти разногласия потенциально носят крайне острый и даже взрывоопасный характер.

Новая администрация США, судя по всему, вряд ли будет считать «войну с террором» своим главным приоритетом. Это означает, что противодействие международному терроризму (если не произойдет новых крупных терактов в США или Европе) не сможет впредь играть роль «локомотива» для развития двусторонних отношений Россия–США или быть гарантией от их ухудшения. Традиционно, демократы уделяют большее внимание гуманитарным вопросам. Это может привести к возобновлению американской критики действий России на Северном Кавказе и ее союзников в Центральной Азии и другой недружественной активности.

В последнее время в США все чаще высказываются опасения относительно угрозы терроризма с применением оружия массового уничтожения (ОМУ), включая ядерное. В России эти опасения разделяют, хотя и полагают, что основной риск исходит от потенциального применения «грязной бомбы» – распыления высокоактивных материалов обычным взрывом. США и Россия также согласны в том, что опасным источником утечек ядерных материалов, а потенциально и оружия является Пакистан.

В краткосрочном плане это могло бы открыть возможности для совместных действий по мониторингу ситуации вокруг ядерного арсенала этой страны, а также по оказанию Исламабаду содействия в укреплении его безопасности. Можно было бы подумать о проработке сценариев взаимодействия в случае коллапса государства или прихода к власти фундаменталистов.

В среднесрочной перспективе Россия могла бы поставить вопрос о дополнительных взносах в Глобальное партнерство «большой восьмерки» для реализации проектов по укреплению ядерной безопасности в «проблемных» странах. Это позволило бы расширить сотрудничество по нейтрализации вероятных угроз для самой Российской Федерации.

Другой потенциально перспективной областью сотрудничества в рамках Глобального партнерства могло бы стать содействие заинтересованным государствам в выполнении Резолюции СБ ООН № 1540. Она требует от всех членов ООН принятия целого ряда шагов на национальном уровне для предотвращения терроризма с применением ОМУ. Однако далеко не все страны располагают достаточными ресурсами и знаниями для создания соответствующих национальных механизмов и органов, в частности, по обеспечению экспортного контроля. Россия и США могли бы сотрудничать в оказании помощи третьим странам в этой сфере.

Российским интересам отвечало бы и расширение двустороннего сотрудничества с США по принудительному пресечению распространения, в том числе в рамках Инициативы безопасности в области распространения (ИБОР). Такое сотрудничество следовало бы распространить, помимо Средиземного моря, и на патрулирование кораблями российского военно-морского флота (ВМФ) акваторий Аравийского и Красного морей, а также Аденского залива. Именно в этих районах расположены многие государства и базируются негосударственные структуры, представляющие опасность с точки зрения использования ядерных средств в террористических целях.

8. Миротворческая деятельность

Интересам России, в принципе, не противоречит совместное участие с США в проведении миротворческих операций. Участие в подобных операциях способствует укреплению доверия между военными структурами обоих государств, повышает их совместимость в боевых условиях, что открывает путь к более быстрому реагированию в случае кризиса.

Россия и США располагают определенным опытом совместной миротворческой деятельности: в Боснии и Герцеговине в 1996 г.; в Косово после 1999 г. Правда, российский контингент был фактически подчинен командованию контингентов НАТО, на что впредь Россия вряд ли согласится.

В среднесрочном плане можно представить себе некоторые сценарии совместного участия России и США в миротворческих операциях. К ним относится Ближний Восток, где, в случае достижения мирного палестино-израильского договора, может потребоваться развертывание международных миротворческих сил.

Участие США или НАТО в возможных миротворческих операциях на постсоветском пространстве представляется нежелательным. Это закрепило бы американское военное присутствие в ряде конфликтных регионов, что на нынешней стадии отношений двух держав неизбежно было бы обращено в ущерб влиянию и безопасности России.

II. ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИЯ–США

1. Евро-Атлантический регион

В рамках Евро-Атлантического региона (ЕАР) взаимоотношения России и США в последние годы развиваются по негативному сценарию, с нарастающим соперничеством и расширяющимся полем конфликтов. Действия и инициативы Вашингтона (расширение НАТО, планируемое размещение объектов американской ПРО, активизация на экономическом и политическом пространстве СНГ и др.) обоснованно рассматриваются Россией как политический вызов и оцениваются как усиление угроз ее безопасности.

Вместе с тем, в контексте российско-американских отношений в ЕАР важными факторами представляются процессы, в последние годы особенно повлиявшие на существующие в этом регионе три линии серьезных противоречий:

- между США и Европой (односторонняя и самонадеянная политика администрации Дж.Буша, вызывавшая все большее недовольство европейских элит и общественности, увеличение расхождений ценностного характера, включая пренебрежение Вашингтона к международному праву, скандалы по поводу грязных операций американских спецслужб и их издевательств над заключенными и др.);

- между «старой» Европой и «новой» (это относительно новое явление в ЕАР во многом обусловлено отношениями с Соединенными Штатами – точнее, готовности (или неготовности) безоговорочно следовать в их фарватере на международной арене);

- между Европой и Россией (особенно после конфликта на Кавказе в августе 2008 г.).

Примечание: понятие «Европа» в данной работе используется условно и включает прежде всего страны-члены Европейского союза и европейских членов НАТО; естественно, что Россия является частью Европы в общепринятой трактовке понятия «Европа» и в контексте таких организаций, как ОБСЕ.

Новая администрация США, скорее всего, приложит все возможные усилия для выправления и гармонизации отношений с европейскими союзниками, а также между «старой» и «новой» Европой. Европейцы этого с энтузиазмом ожидают и будут в той или иной степени поддерживать. В обозримой перспективе маловероятно их открытое фрондирование, например, подобное тому, что было связано с несогласием Франции и Германии поддержать проведение военной операции против Ирака. В случае большей податливости Вашингтона к исходящим от европейских союзников импульсам, путем дальнейшего улучшения сотрудничества с Европейским союзом Россия может получить дополнительные каналы для стимулирования взаимодействия с США.

По проблематике обеспечения европейской безопасности могут возникнуть некоторые возможности для сближения России и США. Последние события (Косово, Кавказ) высветили неадекватность созданных с этой целью механизмов. Актуальность, как минимум, обстоятельного обсуждения данной проблематики начинает постепенно признаваться все более широким кругом участников международных отношений. Если первоначальная реакция на соответствующие российские предложения была откровенно безразличной или критической, то сегодня Европа, а вслед за нею и США начинают склоняться к более конструктивной позиции. При этом следует обращать внимание на вероятность того, что Вашингтон

попытается, по меньшей мере, смягчить указанные выше противоречия с европейскими союзниками путем концептуальных и/или организационных модификаций «натовского зонтика» для укрепления единства в рамках блока.

Среднесрочные шаги взаимодействия России и США в ЕАР целесообразно нацелить на максимальное использование возникающего «окна возможностей» для нейтрализации неблагоприятных тенденций и наращивания запаса прочности на более отдаленную перспективу. Они должны быть ориентированы на всемерное развитие и укрепление партнерских отношений Россия–Европа, что подразумевает и усиление взаимозависимости, прежде всего в экономической сфере, и активизацию политического и гуманитарного взаимодействия. Это будет важным дополнительным рычагом воздействия на политику нового руководства США на российском направлении.

Политически главным яблоком раздора между Россией и Западом становится постсоветское пространство (за вычетом стран Балтии). На нем целесообразно продумать адекватные варианты смены логики конкурентного и даже конфронтационного противодействия друг другу на логику кооперативного взаимодействия. Наглядно продемонстрировав в августе 2008 г. свою заявку на политическое влияние в «ближнем зарубежье», Россия могла бы теперь дополнить ее впечатляющими акциями конструктивного характера. Направленность соответствующих шагов может быть двоякой.

В отношении ЕС целесообразна линия на согласованные и даже совместные действия на постсоветском пространстве, особенно в районах неурегулированных конфликтов и с потенциалом нестабильности, – естественно в соответствии с интересами Российской Федерации. Об определенном потенциале конструк-

тивных возможностей взаимодействия стал свидетельствовать опыт в контексте послевоенного урегулирования на Кавказе. При этом, конечно, нужно внимательно отслеживать шаги ЕС в реализации его программы «Восточной политики» на постсоветском пространстве и при необходимости – если они пойдут без России и в ущерб ей – противодействовать этой линии.

В отношении самих постсоветских стран существует потребность в постоянном акценте, в том числе в информационном пространстве, на внятно сформулированные Россией гарантии касательно их территориальной целостности, уважения независимости и суверенитета, мирного решения этнических конфликтов. Нужно на самом высоком уровне постоянно заявлять, что ни о каком восстановлении СССР не может быть речи, никаких военных баз вопреки желанию соседей не возникнет, никакого давления в вопросах экономических связей, миграции, транзита не будет. Со стороны России понимание «региона привилегированных интересов» означает не стремление к господству, а лишь требование учета ее исторически сложившихся и существующих сейчас особых экономических, политических, военных, гуманитарных и прочих активов в этих регионах. Их использование и развитие возможно только на основе добровольного и взаимовыгодного сотрудничества всех, включая и внешних, участников процесса. Не стремясь к доминированию, Россия будет в то же время всемерно противодействовать на этом пространстве попыткам доминирования и вмешательству извне со стороны других держав и союзов.

Возможные изменения политики США в сторону умеренности, законности и многосторонности, а также более «тонкого» подхода в использовании «мягкой силы» могут акцентироваться, в том числе в СМИ, для того, чтобы дополнительно «оттенить» Россию как державу с, якобы, существующими гегемонистскими

силовыми устремлениями. Это нужно своевременно учитывать в политике и работе России на постсоветском пространстве.

Обе предложенные линии на постсоветском пространстве важны не только в отношении самих расположенных на нем стран (например, в плане минимизации и нейтрализации их предрасположенности к дрейфу в сторону НАТО). Для России одна из приоритетных задач – учет «европейского фактора» для прекращения расширения НАТО на восток. Наша готовность взаимодействовать с европейцами в рамках разумного даже по столь чувствительной проблематике, как урегулирование конфликтов в СНГ, будет восприниматься ими позитивно.

Со стороны США развитие партнерских отношений Россия–ЕС может не только вызывать определенную ревность, но и стимулировать готовность к более широкому взаимодействию с Россией.

В военно-политической сфере двустороннее партнерство России и США по необходимости будет приобретать многосторонний формат Россия–НАТО. Нарботанный в рамках СРН опыт взаимодействия может, в случае достаточно весомого политического импульса, оказаться полезным и иметь определенные практические результаты. Среди последних – проведение совместных миротворческих операций за пределами Европы, в рамках которых может также оказаться востребованной трехсторонняя конфигурация НАТО–ЕС–Россия.

Включение в механизмы взаимодействия с западными странами, в том числе с США, российских партнеров из числа постсоветских государств, причем на коллективной основе (СНГ), представляется привлекательной, но не очень реалистичной задачей. Ее можно было бы попытаться реализовать в сокращенном варианте – как сотрудничество ОДКБ–НАТО. Соответствующие инициативы пока не вызвали интереса со стороны

западных стран. Но не исключено, что в будущем интерес на этот счет могли бы проявить США – если бы речь шла о реальном и весомом вовлечении ОДКБ в афганское урегулирование в качестве равноправного партнера НАТО.

Выдвинутая Москвой инициатива о новой системе европейской безопасности – это отдельная тема. От США в огромной мере зависит позиция Запада. Во всяком случае, достаточно очевидно, что реализация данного проекта невозможна без поддержки США.

Таковая вполне вероятна со стороны новой американской администрации. Вашингтон, по всей видимости, может руководствоваться несколькими императивами: нельзя упускать дипломатическую инициативу; нужно противопоставить энергичной стратегии России не эскапизм, а нечто конструктивное (разумеется, по западным стандартам); целесообразно переформатировать ее предложения таким образом, чтобы их реализация установила некоторые ограничители на новую внешнеполитическую активность Москвы.

Идея проведения саммита/конференции по европейской безопасности может получить поддержку со стороны новой администрации США. России важно не сделать из этого неверных выводов. С одной стороны, не интерпретировать это как готовность согласиться с предложенными ею логикой, принципами и подходами – по всем этим вопросам российской позиции предстоит столкнуться с весьма энергичным противодействием западных стран, причем главную роль в нем будут играть именно США. С другой стороны, не видеть нечто абсолютно неприемлемое в их стремлении наполнить нашу инициативу иной (или дополнительной) смысловой нагрузкой.

С точки зрения объективно стоящих перед Россией стратегических задач, наилучшей тактикой было бы, разогнав маховик подготовки к общеевропейскому саммиту (или к общеевропейской конференции), затем попытаться остановить его или даже просто отойти в сторону.

Обстоятельный разговор о новой обстановке в Европе и путях обеспечения международно-политической стабильности на континенте необходим, и сама подготовка, а затем и проведение соответствующего мероприятия стали бы важнейшим элементом кооперативной повестки дня России и США на евроатлантическом направлении.

2. Азиатско-Тихоокеанский регион

Представляется, что системный диалог России именно по тихоокеанской проблематике с главной силой региона – США – практически отсутствует.

Смещение центра тяжести глобального экономического развития в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) и стремительное экономическое возвышение Китая изменяют привычную систему международной безопасности, сконструированную на трансатлантической проблематике. В АТР выстраивается новая модель отношений с элементами сотрудничества и соперничества, прежде всего, вокруг китайско-американской оси.

Как ожидают в Вашингтоне и Пекине, двусторонний диалог при администрации Обамы будет существенно расширен. Мировой финансово-экономический кризис придает дополнительный импульс американско-китайскому диалогу по финансовой тематике.

Весьма показательно, что первые зарубежные визиты нового госсекретаря США были совершены в КНР, Японию и Южную Корею. А одним из первых внешнеполитических шагов ад-

министрации Обамы стало предложение о создании «всеобъемлющего стратегического диалога» между США и КНР на уровне вице-президента США Дж.Байдена и премьер-министра Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Новый, более высокий уровень переговорного формата призван перефокусировать американо-китайское стратегическое партнерство с экономической тематики на более широкие проблемы, включая такие, как глобальное изменение климата, региональная и общемировая стабильность, участие Китая в разрешении ближневосточного конфликта и иранской проблемы, в афганском урегулировании.

Страны АТР ожидают, что администрация Б.Обамы сможет предложить новую модель американского лидерства, основанную не на попытках навязать другим одностороннюю гегемонию США, а на их способности играть роль первого среди равных за счет восстановления политического и морального авторитета, оптимального использования своих все еще огромных ресурсов. Однако, существуют опасения, что Б.Обама начнет выполнять предвыборные обещания и введет ограничения на импорт из стран региона, ставя под угрозу их экспортные интересы на фоне финансово-экономического кризиса.

В Пекине пока не уверены, что демократы смогут преодолеть свой традиционный подход к Китаю с акцентом на проблематику демократии и прав человека. Токио опасается, что новый президент сделает больший упор на отношениях с Китаем, отодвинув Японию на периферию своих внешнеполитических интересов. Токио и Сеул беспокоятся, что новая администрация окажется более мягкой по отношению к Пхеньяну, чем республиканцы. В Японии, Китае, Южной Корее, государствах Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) боятся, что США (как это было во время азиатского кризиса 1997–1998 гг.) станут блокировать многосторонние регио-

нальные финансовые инициативы, направленные на выход из нынешнего кризиса.

У России, как участницы многосторонних форматов в АТР и второй, наряду с США, глобальной военно-политической силы региона, появляется возможность включения проблематики транстихоокеанской безопасности и сотрудничества в повестку дня российско-американского диалога.

Феномен быстро растущего Китая, руководство которым остается в руках Компартии, обуславливает потребность в российско-американской кооперации по его адаптации к мировым каналам и нормам взаимоотношений и обоюдным российско-американским интересам (нераспространение ОМУ, сокращение ядерных вооружений, совместная система предупреждения о ракетных запусках, возможная общая система ПРО). Понятно, что это вряд ли будет возможно, пока отношения Китая с Россией и США останутся заметно более продвинутыми и широкими, чем российско-американские.

Следует учитывать также, что США могут не стремиться рассматривать Россию как равного себе участника тихоокеанских процессов, сохранив ставку на военно-политическое и экономическое сотрудничество с Японией и Южной Кореей и сделав еще больший упор на Китай.

Перед российской дипломатией и экспертным сообществом стоит задача выработки хотя бы совместимого стратегического видения «китайского фактора» на основе трехстороннего диалогового формата Россия–США–Китай по проблемам тихоокеанской и глобальной безопасности. Для ее выполнения должны быть использованы каналы как российско-американского, так и российско-китайского диалога и сотрудничества.

Трехсторонний формат может строиться на следующей тематической повестке:

- согласование оценок глобальной роли Китая, идущего по собственному пути рыночно-демократических преобразований;
- роль КНР как мирового финансового и экономического «центра силы» в рекапитализации мировых фондовых рынков и выводе мировой экономики на подъем;
- Китай как партнер России и США в сфере ядерного нераспространения и разоружения, в борьбе с новыми угрозами в АТР, в создании мер доверия на тихоокеанском пространстве;
- КНР как ведущий «спонсор» рыночного возрождения Северной Кореи;
- Китай и проблемы защиты окружающей среды в АТР и борьбы с глобальным потеплением климата.

Диалог Россия–США по мерам доверия в Северо-Восточной Азии (СВА) следует направить на обсуждение вопросов целесообразности открытия военных союзов США с Японией и Южной Кореей для сотрудничества с Россией по новым и нетрадиционным угрозам безопасности. Это может быть одним из шагов по формированию договорно-правовой базы военной безопасности в Северотихоокеанском регионе (СТР), открытой для присоединения других стран.

Энергетическая безопасность в СВА и СТР (Россия, США, Канада, Япония) для выстраивания эффективного взаимодействия экспортеров и импортеров энергоресурсов должна ставить во главу угла следующие вопросы:

- создание восточно-азиатского рынка углеводородов на российских ресурсах;

- создание Банка Развития СВА для финансирования долгосрочных и дорогостоящих энергетических и транспортных проектов региона;

- выход российского бизнеса к ресурсам Северной Америки;
- диалог по освоению ресурсов Арктики.

Для предотвращения негативной реакции стран АТР на активизацию российско-американского диалога может быть полезной реанимация созданного ранее трехстороннего диалогового формата Россия–США–Япония.

При взаимодействии Россия–США в этом регионе нужно ориентироваться и на то, что саммит АТЭС, намеченный к проведению в 2012 г. во Владивостоке, предоставляет серьезную возможность России заявить о своем новом видении нашего присутствия в АТР и предложить тихоокеанскому сообществу повестку дня сотрудничества в экономике и по безопасности с учетом российских интересов.

3. Россия, США и исламский мир

В мусульманских странах Азии российско-американское взаимодействие носит весьма поверхностный характер. В последние годы стало преобладать соперничество, которое, впрочем, пока нельзя назвать интенсивным. (Ситуация может измениться в случае удара США по Ирану, гражданской войны и распада Ирака и Афганистана.)

Осью, вокруг которой в принципе может в дальнейшем складываться взаимодействие, является проблематика безопасности, включая:

- противодействие распространению ядерного оружия;
- борьбу против экстремистского ислама (исламизма);
- борьбу против распространения наркотиков.

Взаимодействие по каждому из этих направлений имеет свою специфику в зависимости от стран и регионов.

Россия и США против распространения ядерного оружия в мусульманском мире. Но США считают главной угрозой Иран, а Россия – Пакистан. Нестабильность в Пакистане стала большой головной болью для США, однако пакистанское ядерное оружие не создало прецедента в мусульманском мире. Обретение такого оружия Ираном, как полагают в США, способно вызвать цепную реакцию распространения и представлять непосредственную угрозу американскому присутствию на Большом Ближнем Востоке, а также союзникам США – Израилю и арабским режимам (Саудовская Аравия, страны Персидского залива). Фактор ядерного Ирана меняет расстановку сил на Большом Ближнем Востоке, поскольку Иран, имея в регионе серьезные планы, будет рассматривать ядерное оружие (или способность быстро его создать на основе комплекса обогащения урана) как инструмент сдерживания США от военного противодействия таким планам.

Российская позиция в связи с ядерной программой Ирана, скорее, построена на неверии в возможность обретения Ираном ядерного оружия. Заведомое исключение со стороны России и КНР жестких санкций и, тем более, силового решения проблемы позволяют Ирану неуклонно продвигаться в наращивании критических технологий. Мирные заверения Ирана и споры вокруг существования его военной программы не затрагивают существа проблемы: дальнейшее наращивание комплекса обогащения урана даже под контролем МАГАТЭ подведет его вплотную к возможности быстрого создания ядерного оружия⁴.

---

⁴ Многие эксперты сходятся во мнении, что при нынешнем числе центрифуг в комплексе обогащения урана в Натанзе (около 5000 ед.) Ирану понадобится от полугода до одного года для накопления нужного для ядерного взрывного устройства количества оружейного урана после принятия решения о таком шаге и переключения программы обогащения на оружейный режим. Дальнейшее наращивание и совершенствование центрифуг (по плану в Натанзе – свыше 50 000) сократит этот срок до нескольких недель.

При продолжении этого процесса уже в ближайшей перспективе военная операция Израиля или совместно Израиля и США станет неизбежной. Мировой экономический кризис будет до поры оказывать сдерживающее влияние на США (но не Израиль), но одновременно падение спроса и цен на нефть сделает энергетические последствия такой акции менее разрушительными для мировой экономики.

По той же причине, экспортно-сырьевые выгоды России в случае новой войны будут минимальны, особенно по сравнению с ее политическими издержками. Предсказуемая реакция исламского мира заставит Россию отмежеваться от США и осудить агрессию, что разрушит взаимодействие по ядерному нераспространению, борьбе с исламским экстремизмом, экономическому и научно-техническому сотрудничеству между державами.

Продолжение поставок российских вооружений Ирану будет крайне раздражающим фактором и для новой администрации. При этом не исключено, такие поставки могут сделать Иран еще менее сговорчивым на переговорах и тем самым ускорить войну. Нельзя не учитывать и того, что США могут ответить поставками «оборонительных» зенитных систем (типа «Пэтриот») российским соседям – Грузии, Украине, странам Балтии, что сузит превосходство в воздухе ВВС России и дополнительно подтянет Грузию и Украину к НАТО.

С другой стороны, если новая администрация возьмет курс на активный мирный диалог с Тегераном и достигнет соглашения, Москву могут постараться максимально отставить в сторону в последующих сделках и проектах США и европейских держав с Ираном. В ближайшем будущем ужесточение позиции России по иранской ядерной программе целесообразно, во-первых, для предотвращения новой войны, а во-вторых – для получения от

США ответных уступок по другим темам взаимоотношений. Задачей политики России является способствовать диалогу США с Ираном и тем самым предотвратить войну, но не допустить сепаратной сделки за ее спиной. Китай и европейские участники переговоров тоже заинтересованы в решении проблемы на коллективной основе.

Противодействие исламскому (корректнее сказать, исламистскому) экстремизму и терроризму не является ныне важным компонентом российско-американского сотрудничества. Общее снижение активности террористов не означает их исчезновения с политической сцены. Скорее, речь идет о некоей паузе или перегруппировке сил. Ни Россия, ни Соединенные Штаты не могут игнорировать возможность нового витка активизации экстремистов. Причем, ни одна из держав не застрахована от того, что именно она станет объектом их ударов.

Вероятность таких ударов будет повышаться в условиях экономического кризиса, дестабилизирующего обстановку в мусульманском мире, в результате чего остаются вне экономической активности миллионы молодых людей. Воспитанные в духе исламского радикализма, они могут найти выход для своего недовольства на стезе экстремизма. В зоне наибольшего риска окажутся США, как спровоцировавшие кризис, а также территории «исламо-христианского пограничья», в том числе Европа и Россия, прежде всего Северный Кавказ, где возможно обострение социальных конфликтов.

Неэффективным остается сотрудничество в борьбе по распространению наркотиков. Формально в нем заинтересованы обе стороны. В большей степени – Россия, которая остается транзитной территорией и все более становится их потребителем. Вместе с тем и она, и Соединенные Штаты, несмотря на все офици-

альные декларации, де-факто признают неэффективность борьбы против этого зла. Не секрет, что американцы разменяли стремительный рост производства опиума в Афганистане (с 185 т в 2001 г. до 7 700 т в 2008 г.) на поддержку полевых командиров и эфемерную политическую стабильность в провинциях страны.

В период кризиса неизбежны скачок производства наркотиков в самой Центральной Азии и увеличение их экспорта с юга на север. В производство и распространение наркотиков будут вовлечены новые десятки тысяч людей. Эти же слои являются благодатной средой для распространения религиозного радикализма.

В России и в США осознают угрозу наркоторговли и понимают, что без эффективного взаимодействия ряда ключевых государств по изменению социально-политической среды стран-производителей и транзитеров наркотиков проблема вообще не может быть решена. Однако это возможно лишь при координации российско-американских программ и усилий (с подключением других крупнейших экономик мира) на пространстве от Пакистана до северной границы Центральной Азии.

Защититься от угрозы терроризма в кратко- и среднесрочной перспективе можно только при значительном расширении взаимодействия спецслужб и войск специального назначения в контртеррористических операциях агентурного и боевого типа.

В среднесрочном плане взаимодействие Россия–США целесообразно продолжить в зоне ближневосточного конфликта. Сотрудничество в этом районе важно для сближения России с Евросоюзом и тем самым для усиления влияния «большой Европы» на США.

Возможной территорией сотрудничества будет также Центральная Азия, на которую оказывает влияние ситуация в Афганистане и Пакистане. Россия заинтересована в присутствии коалиции

в Афганистане, ибо в противном случае усиление в этой стране радикального ислама неизбежно отразится на всем центрально-азиатском регионе и может создать для нас огромные трудности. Экономический кризис уже приводит к обострению внутреннего положения в регионе. Социально-политический протест может принимать религиозную форму.

Общие интересы России и США состоят в поддержании стабильности в мусульманском мире, в устранении исходящих из него угроз. И наоборот, соперничество за влияние в мусульманском мире может породить дополнительную напряженность, а также рост амбиций исламских радикалов.

4. Проблемы СНГ

Ситуация в СНГ – это шаткий и меняющийся баланс между интеграционными процессами и центробежными тенденциями. Одни страны открыто провозглашают ориентацию на США, НАТО и Евросоюз. Другие – продолжают пока ориентироваться на Россию как на лидера постсоветского пространства и выстраивают с ней экономическую интеграционную группировку в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и военно-политическую в формате ОДКБ.

Существенное влияние на развитие ситуации в СНГ оказывает проводимая Западом политика продвижения своих интересов на этом пространстве. Помимо заинтересованности в огромных природных ресурсах этого района мира, США и их союзники опасаются усиления здесь позиций России. Ближнее зарубежье России становится зоной острейшей международной конкуренции, где российская заявка на особые отношения со странами региона

не только не разделяется значительной частью мирового сообщества, но встречает ее активное противодействие.

В последние годы к этой политике присоединился и Китай. Не выступая открыто против идеи российской «сферы влияния», КНР ведет экономическую экспансию в СНГ, особенно в Центральной Азии.

На юго-западе и юге постсоветское пространство непосредственно прилегает к районам – источникам терроризма и исламского экстремизма. В связи с этим страны Запада, прежде всего США, рассматривают южный фланг СНГ как новую зону своих жизненных интересов и стремятся усилить на Кавказе и в странах Центральной Азии экономическое и военно-политическое присутствие. В нынешнем десятилетии дополнительным стимулом к этому стала борьба с международным терроризмом, текущие операции и планы возможных боевых действий США и других стран НАТО в Ираке, Афганистане и потенциально в Иране.

Закрепляясь в постсоветских государствах, США не только руководствовались собственными стратегическими интересами, но и опирались на согласие местных правящих элит или их части. Для последних привлечение американского капитала в национальную экономику, причем зачастую на льготных условиях, виделось как скорейший и эффективный ответ на многие сложные проблемы хозяйственного развития, решить которые собственными силами они не в состоянии. Укрепление военно-политических связей с США, вплоть до согласия на предоставление им прав на размещение военных баз на своей территории или же выражаемую готовность вступить в НАТО, казалось наиболее эффективной гарантией собственного сохранения во власти.

Нет оснований предполагать, что с приходом к власти администрации Обамы Соединенные Штаты публично провозгласят отказ от политики республиканцев по расширению НАТО на постсоветское пространство. А при сохранении высокой конфликтности отношений в СНГ и вокруг него возможности конструктивного взаимодействия между Россией и США на постсоветском пространстве весьма незначительны. Тем не менее, как Россия, так и США не могут не считаться с тем, что в последнее время здесь стала складываться новая ситуация, которая может дать предпосылки для российско-американского взаимодействия, пускай и ограниченного по своим масштабам.

Ключ к проблемам на постсоветском пространстве – это не столько отношения России с США, Западом в целом или Китаем в этом районе мира, сколько отношения России непосредственно с соседями по СНГ.

Страны с молодой и неустоявшейся государственностью, окружающие Россию, особенно болезненно относятся к вопросам территориальной целостности и суверенитета. Мнимые или реальные угрозы этим ценностям являются главной темой спекуляций местных националистов и шовинистов, стремящихся сплотить свои народы в условиях социально-экономических неурядиц и слабых национальных традиций.

Соответственно, любые заявления со стороны разных российских деятелей по поводу «исторически несправедливых» границ соседних стран, во-первых, необоснованны с точки зрения современного международного права, а во-вторых – более всего способствуют курсу местных националистов на противостояние с Россией и поиск внешних союзников. Ни у одной страны мира, включая Россию, нет исторически справедливых границ, к которым не было бы никаких претензий у других государств. Но эти вопросы, как

показал опыт ЕС, лучше всего решаются на пути всеобъемлющей интеграции стран. Последнюю более всего подрывает будирование территориальных тем даже на неофициальном уровне, если власть не осуждает их жестко и ясно и тем более – если отмалчивается, занимает двусмысленную позицию или пытается использовать такие демарши как инструмент косвенного давления.

Взаимодействие России с постсоветскими странами должно исходить из конкретных российских экономических, военных, демографических, гуманитарных интересов и соображений безопасности (охрана границ, борьба с организованной преступностью, наркобизнесом, терроризмом, нелегальной миграцией и пр.). Любые попытки воссоздать в той или иной форме СССР вопреки воле соседних государств носят неоимперскую окраску и вызывают у соседей или реакцию отталкивания, или иждивенческие устремления. И то, и другое подрывает взаимовыгодную интеграцию и в конечном итоге наносит ущерб интересам России.

Главным долгосрочным условием консолидации позиций России в СНГ является реализация программы Президента России Д.Медведева по переходу страны на высокотехнологическую, инновационную экономическую модель, вложениям в человеческий капитал, расширению демократических норм и институтов, борьбе с коррупцией и чрезмерной бюрократизацией экономики и внутренней политики. Тогда наша страна совершенно естественно станет лидером на рынках СНГ, сильным конкурентом США, Евросоюза, Китая, Японии, перестанет быть для соседей прежде всего энергетическим донором.

При всех имеющихся расхождениях во взглядах на желательные перспективы развития ситуации в постсоветских государствах ни Россия, ни США не могут оставаться безразличными к возможности дестабилизации и радикализации ситуации в этом регионе.

Как уже отмечалось выше, суть возможного согласия состоит в том, что НАТО, по меньшей мере, откладывает на неопределенное будущее свое расширение на постсоветское пространство, а Россия, со своей стороны, гарантирует суверенитет и территориальную целостность стран СНГ при условии сохранения ими, как минимум, военно-политического нейтралитета. При этом экономическое соревнование в СНГ будет продолжаться.

Задача российской внешней политики и дипломатии – найти такие формы согласия, которые были бы надежны и приемлемы для всех сторон. В качестве общего контекста таких компромиссов может служить новая архитектура европейской безопасности. Дополнительным стимулом к согласию для США стало бы более активное взаимодействие с Россией по глобальным и региональным проблемам.

Наконец, России нужно умерить нынешнюю военно-политическую (но, конечно, не экономическую) активность в Западном полушарии. Такая политика имеет обыкновение обретать собственную инерцию, и, если она примет серьезные масштабы, США в конце концов могут дать на нее жесткий военный ответ как в СНГ, так и в Новом Свете.

5. Ситуация в Афганистане

Ситуация в Афганистане для международных сил становится все более сложной. Талибан расширил свое присутствие в стране с 54% территории в 2007 г. до 72% к концу 2008 г. Военные успехи движения Талибан, наряду с общим ростом преступности, отражают неспособность легитимных сторон (международного военного контингента, афганской армии, гражданских

организаций, правительства в Кабуле) устранить ключевые причины насилия. Основные причины ухудшения ситуации таковы:

- отвлечение огромных ресурсов США на войну в Ираке и провал этой операции раскололи антитеррористическую коалицию 2001 г., ограничили военные и экономические ресурсы для стабилизации Афганистана, укрепили моральный дух исламских экстремистов и повлекли расширение им помощи из-за рубежа;

- усугубление названных факторов конфронтацией США с Ираном;

- неспособность создать органы, способные контролировать власть в провинциях и бороться с повстанческими движениями;

- отсутствие единой последовательной политики вовлечения местного населения в сотрудничество;

- рост противоречий между участниками коалиции, способных в перспективе развалить ее окончательно;

- односторонние действия США, подрывающие мотивацию остальных участников операции;

- краткие сроки мандатов, на основе которых действуют войска союзников США, что не позволяет вести долгосрочное планирование и вызывает споры вокруг участия в боевых действиях в беспокойных регионах Афганистана;

- негативное отношение общества в странах Европы и США к людским потерям, нежелание смириться с длительной природой конфликта и выделять средства, адекватные масштабу поставленных задач;

- отсутствие единой социально-экономической политики, что сказывается на настроении населения Афганистана, а разногласия по вопросу борьбы с наркотиками лишь стимулируют крестьян засеивать все большие площади опиумным маком.

В случае провала операции коалиционных сил в Афганистане следует ожидать самых пагубных последствий – возврата к полномасштабной гражданской войне, стороны в которой будут разделены по этническому признаку, формирования наркогосударства под контролем соперничающих преступных группировок, окончательного выхода южной части страны, населенной преимущественно пуштунскими племенами, из-под контроля кабульских властей.

Следует ожидать интервенции региональных держав, в первую очередь Пакистана, заинтересованного в защите своих интересов и усилении своего влияния в стране. Весьма вероятно военно-террористическая экспансия Талибана в нестабильную Центральную Азию как возобновление курса, прерванного в 2001 г. Страна в еще большей мере станет базой международного терроризма и, возможно, «мастерской» по изготовлению для него средств ОМУ.

Для решения проблемы Афганистана необходим глубокий пересмотр политики, проводившейся с октября 2001 г. Вероятный поэтапный вывод войск США из Ирака может открыть для этого новые военные, политические и экономические возможности и сформировать поле для сотрудничества США с Россией.

Непосредственно в Афганистане необходимо выработать согласованную политику и механизм взаимодействия военных западных стран между собой и с вооруженными силами Афганистана, обеспечить сотрудничество военных и гражданских властей для укрепления власти центрального правительства в провинциях.

Нужно сконцентрировать усилия на строительстве устойчивых институтов государственной власти, а не поддержке отдельных игроков. Недопустима покупка лояльности полевых командиров путем предоставления им возможности зарабатывать на производстве опиума, т.к. это способствует дальнейшему укреплению внутри Афганистана преступных организаций, не заинте-

ресованных в стабилизации ситуации. Особая программа нужна для социально-экономического возрождения Афганистана. Главное – дать населению альтернативу выращиванию опийного мака, сотрудничеству с движением Талибан или криминальными группировками.

Во многих названных вопросах опыт России (СССР), в том числе негативный, может быть востребован при активизации ее политики на афганском направлении и возведении этой темы в один из приоритетов отношений нашей страны с США и НАТО в целом. Это нужно новой администрации США и руководству НАТО, ставка которых на успех и цена поражения исключительно велики. Это нужно и России в плане предотвращения дестабилизации в Центральной Азии и обретения серьезного рычага взаимодействия с Вашингтоном и его союзниками.

В краткосрочной перспективе Россия может сразу добиться прорыва в отношении проблемы снабжения войск западной коалиции в Афганистане. Это имело бы особенно сильный эффект после отказа Киргизии от американского присутствия на базе в Манасе.

Западный Пакистан, в котором в настоящее время доминируют талибы, с 2001 г. является ключевым транзитным маршрутом в регионе. Власти США рассматривают альтернативные направления снабжения войск коалиции, в частности через территорию государств Центральной Азии и Россию.

В этой связи с нашей стороны было бы целесообразным предоставить США право на транзит не только гражданских, но и военных грузов, включая вооружения и боевую технику, в Афганистан через территорию России, что гарантировало бы надежность их доставки силам международной коалиции.

В среднесрочной перспективе, в зависимости от взаимодействия с НАТО в Афганистане и по другим международным вопросам, России следует, помимо содействия транзиту, гуманитарной и экономической помощи, предусмотреть вариант участия российских советников и даже прямых военных поставок в Афганистан. Путем наращивания сотрудничества с ОДКБ можно добиться в той или иной форме признания Организации со стороны НАТО, чего долгое время безуспешно добивается руководство Ташкентского Договора.

III. ПОВЕСТКА ДНЯ ДЛЯ БИЗНЕСА

Потенциал экономического сотрудничества остается заложником политической конъюнктуры и внутривнутриполитического расклада сил в обеих странах. Это во многом объясняется тем, что Россия больше, чем США, заинтересована в двусторонних экономических и научно-технических отношениях. Однако, в отличие от Китая, Россия не смогла пробиться на американский рынок с конкурентоспособными промышленными товарами, сделать собственный рынок привлекательной площадкой для высокотехнологичных американских инвестиций и при этом существенно ограничила участие иностранного капитала в освоении своих природных ресурсов. Поэтому США не ощущают серьезной зависимости от экономических и научно-технических связей с Россией и рассматривают их по большей части как инструмент политического манипулирования.

1. Финансово-экономическое сотрудничество

Мировой финансовый кризис позволяет по новому взглянуть на развитие отношений в этой сфере. Взаимодействие с США по некоторым вопросам могло бы ослабить остроту кризиса для России.

В частности, такое взаимодействие на двусторонней и многосторонней основе позволяет искать развязки путем предупреждения инсайдерской практики, спекулятивных атак и «мыльных пузырей». Последние формируются глобальными инвесторами на российском рынке и в находящихся в США и в других странах «семерки» центрах ценообразования на товары российского экспорта. Контроль финансовых регуляторов США за этими областями ослаблен.

Перспективным может стать развитие регулятивной инфраструктуры, систем раскрытия информации, совместных структур надзора и правоприменения на базе оценки практики 2007–2009 гг. и контроля текущей ситуации.

В США можно найти влиятельных сторонников идеи создания межправительственной организации, занятой борьбой с манипулированием на глобальных рынках, спекулятивными атаками, приводящими к системным рискам. Аналог – ФАТФ (FATF), учрежденный по решению «большой семерки» (борьба с отмыванием денег и финансированием терроризма). Развивающиеся рынки более свободны для манипулирования, чем рынки постиндустриальных стран. По данным МВФ, при игре на понижение короткие позиции хедж-фондов и других глобальных инвесторов могут достигать 3–7% ВВП (с последующим бегством капиталов, обрушением национальной валюты и запуском механизма кризиса).

Возможна координация позиций США и России в формировании системы международных финансовых соглашений, которые должны предписывать нормы, направленные на управление и мониторинг рисков кризисов, что обеспечит прозрачность любого финансового оборота по всем типам инвесторов и по любым финансовым инструментам. Для этого потребуется создание нового межправительственного института, оценивающего состояние финансовой стабильности и угрозы кризисов от страны к стране. Аналог – Международное агентство чрезвычайных ситуаций (инициатива России, 2002 г.). Основой такого института мог бы стать Форум финансовой стабильности, созданный при Банке международных расчетов, с приданием ему статуса многосторонней организации и вхождением в него России.

2. Торгово-экономические связи. Общая оценка

За годы после окончания «холодной войны» Россия и США не стали значимыми друг для друга партнерами. На США приходится немногим более 3% внешнеторгового оборота России, на Россию – менее 1% внешнеторгового оборота США. Россия получает из США инвестиции и передовую технику, заимствует методы ведения бизнеса и организации производства. Наша страна ввозит из США нефтегазовое оборудование, самолеты, электрооборудование, оптические и измерительные приборы, медицинскую технику, компьютеры и телекоммуникационное оборудование. Поставки машин и оборудования важны для России, нуждающейся в модернизации промышленной базы. Сама же Россия экспортирует в США в основном нефтепродукты, металлы, радиоактивные материалы и продукты неорганической химии.

Хотя избрание Б.Обамы открывает потенциальные возможности для улучшения отношений, в обеих странах сильна инерция мышления не только в обществе, но и в деловых кругах. Поэтому в отношении экономического сотрудничества на обозримый период не стоит иметь завышенные ожидания, но необходимо максимально использовать приоткрывшееся окно возможностей.

Государственные органы должны активно подавать положительные сигналы для национального бизнеса к развитию отношений с другой стороной. Улучшение политического климата между США и Россией может способствовать улучшению инвестиционного климата, а формирование многоуровневых хозяйственных взаимосвязей, в свою очередь, послужит хорошей основой для российско-американских отношений в целом.

Не уходит с повестки дня снятие торгово-политических барьеров. США отменили ряд законодательных актов дискриминационного характера по отношению к России. Однако наследие

«холодной войны» полностью не преодолено. США до сих пор не предоставили России режим наибольшего благоприятствования в торговле на постоянной основе. В рамках национального режима экспортного контроля Соединенные Штаты относят Российскую Федерацию к страновой группе, в отношении которой сохраняются ограничения на поставку технологий двойного назначения, в частности, компьютеров последних поколений.

Практика Вашингтона распространять действие американского законодательства за пределы своей территории является раздражителем для многих американских партнеров. Отдельные временные санкции США в отношении российских компаний, прежде всего оборонно-промышленного комплекса (ОПК), стали инструментами внешней политики. Не оказывая существенного воздействия на объем двустороннего товарооборота, они формируют неблагоприятный фон для развития экономических отношений. Снятие барьеров зависит от уровня взаимного доверия и политической нормализации отношений России и США.

Едва ли можно ожидать принятия в двустороннем формате решений, способных кардинально изменить конфигурацию глобальной экономики и мировой финансовой системы. Россия и США, конечно, будут обсуждать связанные с этим вопросы и могут даже предложить подходы к решению мировых проблем: закладка многосторонней системы раннего предупреждения кризисов в экономике и финансах, сотрудничество по линии Федеральная резервная система (ФРС) США – Центральный Банк (ЦБ) РФ и министерств финансов, взаимодействие по вопросам реорганизации Международного валютного фонда (МВФ). Однако в первую очередь свою позицию Вашингтон будет согласовывать не с Москвой, а с Брюсселем, Пекином и Токио.

Расширение участия американского капитала могло бы способствовать укреплению российской финансовой системы. Так, задача развития российского фондового рынка требует привлечения инвесторов. В банковском секторе расширение присутствия иностранных банков поможет снизить уровень риска в кредитных операциях, повысить прозрачность бизнеса, расширить источники долгосрочных кредитных ресурсов. Деятельность иностранных банков при определенных условиях способна стимулировать конкуренцию и побуждать российские банки к повышению разнообразия и качества услуг, удешевлению их стоимости, кредитованию реальной экономики.

В этой связи можно было бы вновь подумать о соответствии нашим интересам перспективы открытия филиалов зарубежных банков. С учетом выражаемой обеспокоенности о возможности потери контроля России над своей банковской системой, следует заметить, что в соглашениях, заключаемых с конкретными банками, можно прописать все необходимые условия, обеспечивающие сохранение контроля. К тому же использование международных норм (Базельский комитет) и совместная работа ЦБ РФ с ФРС не только нивелируют опасность бесконтрольной деятельности иностранных банков, но и могут способствовать оздоровлению российской банковской системы.

В отношении иностранного участия в страховой системе также будет действовать 50%-ная квота по совокупному капиталу (на переговорах о присоединении к Всемирной торговой организации (ВТО) Россия пошла на увеличение квоты иностранного капитала в совокупном капитале банковской системы с 25% до 50%). В распоряжении России остаются определенные механизмы, обеспечивающие ограничение конкуренции по отдельным сферам деятельности страховых компаний. В отличие от

66

банков, иностранные страховые компании, согласно имеющимся договоренностям, смогут действовать на территории Российской Федерации через свои филиалы, но лишь спустя 9 лет после присоединения к ВТО.

Несмотря на достигнутые договоренности, Вашингтон, как и любой другой член ВТО, может выдвинуть новые условия присоединения России к этой организации. Так, уже после заключения двустороннего протокола о присоединении к ВТО в 2006 г. США предложили России взять обязательства в отношении государственного участия в торговле. Они также рекомендовали обязать российские государственные компании под угрозой санкций руководствоваться во внешнеэкономических операциях принципом достижения наибольшей прибыли. Не решены некоторые вопросы по сельскому хозяйству, по ставкам экспортных пошлин на древесину, по регулированию деятельности государственных компаний.

Согласование этих вопросов вероятно в ближайшее время, но процесс присоединения может быть затянут под другими предлогами. При этом следует иметь в виду, что откладывание принятия России в ВТО усиливает вероятность применения мер протекционистского характера во взаимной торговле.

В силу различных причин сохраняется ряд торговых ограничений. Так, экспорт российской стали в США лимитируется соглашениями, на которые Россия была вынуждена пойти ввиду угрозы полного прекращения поставок.

США, как ведущего экспортера аграрной продукции, волнуют импортные ограничения, вводимые в России по соображениям санитарного контроля или защиты отечественных производителей. Российским производителям, поставляющим аграрную продукцию на внутренний и мировой рынок, в свою очередь, приходится конкурировать с американскими фермерами, получаю-

щими значительную государственную поддержку, которая принимает разнообразные формы, в том числе субсидии, кредиты по низким ставкам, налоговые льготы. Эти вопросы взаимной торговли постоянно находятся в центре внимания обеих стран. Можно расширять сотрудничество в области развития инфраструктуры АПК, технологий безопасности продуктов, применения научно-технических методов биозащиты животных и растений.

Доля американских компаний в накопленных прямых иностранных инвестициях в России составляет порядка 4%. Присутствие американского капитала наиболее заметно в добывающих отраслях, пищевой и табачной промышленности, а также в автомобилестроении. В свою очередь, в 2000-е годы российские металлургические корпорации осуществляли стратегию покупки сталепрокатных активов в США. Приобретение американских компаний помогало обходить импортные барьеры, а также обеспечивало доступ к американским сбытовым сетям и технологиям. Однако начавшийся в 2008 г. кризис сделал продолжение этой линии весьма проблематичным. Правда, активы американских корпораций подешевели, но и финансовые возможности российских компаний резко сузились.

Расширение использования иностранного капитала для ускорения развития отечественной экономики требует улучшения инвестиционного климата России, который все еще далек от совершенства.

Россия заинтересована в реализации своего потенциала по экспорту транспортных услуг. Она могла бы принять на себя, в частности, часть контейнерного потока между Китаем и Восточным побережьем США – по сравнению с тихоокеанским маршрутом, путь через Россию короче на 6,5 тыс. км. Но для этого необходимы сооружение портов, способных переработать такой

объем грузов, обновление подвижного состава российских железных дорог и развитие транспортной инфраструктуры. Эти огромные инвестиции едва ли можно реализовать без привлечения американских компаний, заинтересованных в развитии соответствующих маршрутов.

3. Научно-техническое сотрудничество, образование

В области научно-технического сотрудничества между Россией и США есть существенный задел. Продление рамочного Соглашения между правительствами России и США (от 16 декабря 1993 г.) до 2015 г. создало основу для дальнейшего развития двустороннего взаимодействия в научно-технической сфере на длительную перспективу. Сформированы хорошо зарекомендовавшие себя механизмы сотрудничества (в частности, меморандумы о взаимодействии между заинтересованными министерствами, агентствами, фондами двух стран, смешанный российско-американский комитет по науке и технике, российско-американский инновационный совет и т.п.). Однако взаимосвязи в высокотехнологичных отраслях на микроуровне критически слабы.

Наряду с освоением космоса, в перечне направлений – исследования в области высоких энергий и ядерной физики, нанотехнологий, ядерной энергетики, синтеза энергии, сейсмологические наблюдения, гидрометеорология.

Есть потенциал для развития кооперационных связей в авиакосмической сфере, где имеются солидные заделы. В частности, компания «Боинг» активно сотрудничает с Россией более чем 30 лет. Проект «Морской старт» стал первым в истории чисто коммерческим международным проектом создания и эксплуатации ракетно-космического комплекса морского базирования; при этом партнерами был выполнен огромный объем наукоемких и экспериментальных работ. Соединенные Штаты заинтере-

сованы в наших рынках пассажирских самолетов, с одной стороны, и в получении российского титана (совместное предприятие с Ависма) – с другой. А Россия – в получении авиатехнологий. В США сформировалось достаточно авторитетное лобби, продвигающее совместные с Россией проекты в этой области.

Развитию сотрудничества в сфере биотехнологий препятствует взаимное недоверие политического характера. США обвиняют Россию в нарушении Конвенции по запрещению биологического оружия. В то же время борьба с биотерроризмом заявлена как один из приоритетов национальной безопасности США (Б.Обама подтверждает этот приоритет). Российские эксперты часто оспаривают сам термин «биотерроризм». Надо исходить из того, что опасность распространения эпидемий, гибели урожаев и скота от опасных биоагентов существует. Избегая упреков, следует сосредоточиться на сотрудничестве раннего предупреждения эпидемий, разработке вакцин и лекарств, экологии инфекционных болезней (прежде всего таких, как птичий грипп, туберкулез, ВИЧ/СПИД). Существует широкое поле для сотрудничества в области биоинженерии.

Наука и образование являются приоритетными направлениями социально-экономического развития обоих государств. Сотрудничество в научно-технической области способствует созданию стабильного, прозрачного и недискриминационного правового климата, формированию благоприятных, стимулирующих конкуренцию и предсказуемых условий, подталкивает к обеспечению надежной защиты прав интеллектуальной собственности, что, в свою очередь, создает стимулы для инвестиций. Перспективу имеет сотрудничество в создании исследовательских сетей с участием высших учебных заведений, научно-исследовательских центров и бизнеса. Важно совершенствовать механизмы обмена «лучшими практиками» в области развития инновационных кластеров и нала-

живания партнерских отношений между государственным и частным секторами в научно-технической сфере.

Приоритетные направления двустороннего сотрудничества в сфере обучения включают обмены преподавателями и старшеклассниками, партнерство университетов, совершенствование системы академических постдипломных стажировок, содействие изучению русского и английского языков, широкое использование технологий дистанционного обучения. Важным направлением сотрудничества может стать обмен опытом в области непрерывного обучения с тем, чтобы позволить людям адаптироваться к переменам, максимально расширять профессиональные навыки и знания (на основе принципов Хартии Кельнского саммита «большой восьмерки»: «Цели и задачи обучения в течение всей жизни»). У России пока сохранились высокие стандарты на всех уровнях образования, особенно в сфере изучения математики и естественных наук, и для США небезынтересен российский опыт. Полезно обмениваться «лучшими практиками» в области управления образованием, его финансирования, современных учебных методик и взаимного признания профессиональных квалификаций. Необходимо улучшить информационное обеспечение образовательных обменов.

Для взаимодействия в сферах высоких технологий следует инициировать создание совместной частно-государственной инфраструктуры и системы инновационных венчурных инвестиционных фондов. Этой инфраструктуре необходимо придать также обязательства по гарантированию экспортных кредитов государственными агентствами (ОПИК, Эксимбанк США, ВЭБ РФ). С российской стороны роль координирующих структур можно передать ГК «Ростехнологии» и «Роснано» с выделением в их распоряжение необходимых дополнительных финансовых ресурсов, что найдёт понимание со стороны бизнеса США.

4. Энергетика

США являются крупнейшим потребителем и покупателем нефти и нефтепродуктов, а также во многом определяют ситуацию на мировом нефтяном рынке, развитие которой зависит от их действий, как минимум, в такой же степени, как и от действий ОПЕК. В 2000–2007 гг. наша страна быстро наращивала вывоз энергоносителей в США (в среднем на 44% за год). В результате доля Соединенных Штатов в российском энергетическом экспорте превысила 5%. Для ее дальнейшего увеличения требуется соответствующее транспортное обеспечение, развитие морских портов и флота.

Зависимость России от турецких проливов уменьшится в случае сооружения трансбалканских нефтепроводов, а от датских – при условии разработки маршрута через Мурманск. Другое направление – восточное, связанное с использованием нефтепровода Восточная Сибирь–Тихий океан (ВСТО) и далее морским путем. Однако многое зависит от увеличения объема добычи нефти в Восточной Сибири, что требует больших капиталовложений. К участию в них можно привлечь американские компании, которые обладают передовыми технологиями нефтедобычи, увеличивающими отдачу нефтяных пластов. Это весьма актуально в условиях угрозы сокращения ресурсной базы нефтедобычи России.

Перспективу имеет сотрудничество в рамках СП «Северное сияние» (50% акций – у «Сопосо»), созданного для разработки Ардалинской группы месторождений. Традиционно «Сопосо» лучше адаптируется к российским реалиям.

Российские нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ) ориентированы на неглубокую переработку нефти. Выход светлых нефтепродуктов на российских НПЗ более чем в два раза ниже,

по сравнению с американскими заводами. Россия может потребовать от компаний, желающих вложить средства в нефтедобычу, инвестировать также в нефтепереработку и нефтехимию.

При этом Россия не должна недооценивать усилий США по снижению доли нефти в потребляемых ими источниках энергии. Этот курс Б.Обама собирается продолжать, причем он настроен помочь ЕС диверсифицировать свои источники энергии, хотя можно ожидать смягчения сопровождающей антироссийской риторики, характерной для последнего периода республиканской администрации.

Перспективы экспорта российского сжиженного природного газа (СПГ) в США зависят от освоения Россией технологий по сжижению газа. Первый в России завод по переработке СПГ введен в 2009 г. на Сахалине. Существует проект строительства завода в Ленинградской области. На стадии рассмотрения – проекты сооружения плавучих установок по сжижению газа и создания систем сжижения и регазификационного оборудования на борту судна. В 2006–2008 гг. российский флот был пополнен несколькими судами для перевозки сжиженного природного газа вместимостью от 70 тыс. до 145 тыс. куб. м. В результате российская судоходная компания «Совкомфлот» стала мировым лидером по количеству газозовов с ледовым классом. Это создает основу для осуществления будущих шельфовых проектов в акваториях арктических и дальневосточных морей. В решении этих вопросов мог бы активно участвовать американский капитал. Вместе с тем создание «газового ОПЕК» при активной роли России может подорвать сотрудничество с США в данной области.

Энергетический сектор российской экономики является наиболее привлекательной сферой инвестиций для иностранных, в том числе американских, компаний. Существует ряд направле-

ний сотрудничества в энергетической сфере, требующих совместной разработки:

- применение современных газовых и угольных технологий в электроэнергетике;
- комбинированные автомобильные двигатели;
- «экологически чистое» топливо.

В России отсутствуют государственные и частные компании, прорабатывающие эти проблемы. В США ряд из них решается в ведущих диверсифицированных энергетических компаниях – «Exxon Mobil», «Chevron», «General Electric» и пр.

Требовать от иностранных инвесторов в энергетическом секторе обязательного привлечения российских компаний в качестве соинвесторов нецелесообразно. Важнее добиваться локализации производства комплектующих частей для собираемых в России машин, например электротурбин и электрогенераторов. У российских компаний просто нет такого объёма ресурсов, чтобы принимать участие во всех энергетических проектах. В то же время задача повышения эффективности использования природного газа и нефтепродуктов в отрасли актуальна.

При определении мер по привлечению инвестиций американских компаний речь может идти о налоговых льготах при инвестировании и таможенных льготах при поставке определенного оборудования на проинвестированные объекты. Одновременно могут быть поставлены условия – инвестировать не менее 40% общего объёма капиталовложений на территории России в высокие технологии. Многие поставки из США будут сопровождаться предоставлением гарантий и кредитов.

Целесообразно предложить заключить международное соглашение по стабилизации условий торговли сырьём на основе биржевой торговли этими товарами исключительно по контрактам с обя-

зательной поставкой против платежа (spot). Может быть рекомендовано заключение как на внутреннем, так и на мировом рынке долгосрочных контрактов с определением цен на основе средневзвешенной цены товара и индексацией цены по уровню дефляторов цен мирового экспорта в целом. Введение данной практики требует межправительственных соглашений между странами-производителями углеводородного сырья и странами-потребителями сырья.

5. Ядерная энергетика

США и Россия имеют взаимный интерес к сотрудничеству по развитию ядерной энергетике. Цели американской инициативы «Глобальное партнерство в ядерной энергетике» (GNEP) соответствуют интересам России, которая имеет уникальные технологии обогащения урана, переработки ОЯТ, а также большие наработки в области создания реакторов-сжигателей. Однако следует учитывать, что общественная поддержка GNEP в США неоднозначна, а новая администрация может вообще расставить иные акценты. Поэтому сотрудничество двух стран, построенное только на данной программе, не будет иметь прочного основания.

При улучшении политических отношений есть большая вероятность, что новый президент США вернет в конгресс для одобрения отозванное Дж.Бушем из Капитолия после кавказского конфликта соглашение о сотрудничестве с Россией в области гражданской атомной энергии – Соглашение 123 (по ст. 123 американского Закона 1954 г. об атомной энергии) – тем более, что оно вполне соответствует американским интересам. Соглашение 123 – это соглашение нового типа, оно может хорошо вписаться в линию позитивного развития двусторонних отношений. Более того, его одобрение будет способствовать ускорению ратификации другими странами подобных соглашений с Россией.

Точкой соприкосновения для дальнейшего делового сотрудничества может стать заинтересованность обеих держав в разработке следующего поколения ядерной энергетики с использованием новых технологий. Это должно, во-первых, минимизировать риски распространения ядерного оружия, во-вторых, «смягчить» экологические проблемы и, в-третьих, открыть в перспективе возможность совместной разработки малогабаритных реакторов нового типа для поставки в развивающиеся страны. Сотрудничество облегчит России и США выполнение ст. IV ДНЯО, удовлетворив спрос со стороны развивающихся стран на ядерное топливо и технологии.

Вместе с тем, как подчеркнуто в документе «Глобальная энергетическая безопасность», принятом на саммите в Санкт-Петербурге в 2006 г., пока передовые системы не введены в эксплуатацию, могут приниматься промежуточные решения в вопросах, связанных с ядерным топливным циклом. Москва осуществляет проект международного центра по предоставлению услуг ядерного топливного цикла в России (Ангарск). США декларативно поддерживают этот проект, но их собственные предложения подвергаются критике со стороны стран-импортеров. Целесообразно усиливать взаимодействие на этом направлении.

Новым импульсом для развития сотрудничества в области ядерной энергетики может стать привлечение американских специалистов к созданию демонстрационного реактора на быстрых нейтронах на Белоярской АЭС.

6. Экология

Важным направлением экологической политики президента США на ближайшие годы, которое непосредственно затрагивает интересы России, станет выработка «посткиотского» соглашения по снижению выбросов парниковых газов. Представляется целесообразным обратить внимание на использование международных

механизмов для заимствования американских достижений в области охраны окружающей среды.

В представленной в феврале 2009 г. программе Б.Обама заявил о намерении сделать США лидером в международной борьбе с изменением климата и, особенно, с глобальным потеплением. Он предложил, оставаясь в русле уже существующих международных структур (в данном случае Рамочной конвенции ООН), создать Глобальный энергетический форум «G-8+5», состоящий из членов «большой восьмерки» и 5 крупнейших развивающихся стран – Бразилии, Китая, Индии, Мексики и ЮАР – основных эмитентов парниковых газов, для обсуждения исключительно глобальных проблем энергетики и экологии. Этот Форум будет дополнять переговорный процесс, проводимый сейчас в рамках ООН по выработке «посткиотского» соглашения, и впоследствии может даже слиться с ним.

В техническом аспекте Форум способен облегчить международную передачу технологий, организовывать совместные международные исследования, способствовать проведению многообразных демонстрационных программ и проектов, стимулирующих скорейшее и экономически благоприятное внедрение. Россия и США, активно взаимодействуя в рамках данного форума, могут организовать двусторонний экологический диалог.

Поскольку расширяющееся использование Северного Ледовитого океана для разведки и разработки ресурсов, туризма, судоходства, научных исследований повышает риск аварий и экологических катастроф, уже в ближайшей перспективе будут развиваться программы по укреплению инфраструктуры и обеспечению совместных действий в случае аварий и природных бедствий, по предотвращению техногенных катастроф. Так, Россия, у которой накоп-

лен богатый опыт освоения Арктики, уже предлагала в 2008 г. совместную стратегию действий в чрезвычайных ситуациях.

Общим для России и США является признание необходимости участия быстро развивающихся стран (прежде всего, Индии и Китая) в борьбе с глобальным загрязнением, так как в противном случае результативность нового международного соглашения не гарантирована. России и США, основываясь на своем членстве в АТЭС, следует объединить усилия, чтобы привлечь эти страны к участию в «посткиотском» соглашении.

Возможно совместное сотрудничество по разработке эффективных технологий опреснения воды – одной из серьезных экологических проблем в развивающихся странах не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе. Эта проблема обусловлена как региональными различиями в обеспеченности ресурсами пресной воды, так и неудачами в создании эффективных систем управления водными ресурсами.

7. Арктика

Проблема национального освоения и международного сотрудничества в этом регионе вошла в число приоритетов национальной безопасности США. В последнее время некоторое американское беспокойство связано с усилением в нем активности России. Вероятное военно-хозяйственное закрепление позиций России в Арктике – это главный аргумент сторонников присоединения США к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Другим аргументом является расширение границ континентального шельфа США с тем, чтобы доказать свое право на углеводородные ресурсы дна в Чукотском море площадью в 450 тыс. кв. км.

Интерес ряда стран к Арктике (точнее, к Северному Ледовитому океану – СЛО), прежде всего, обусловлен наличием там

запасов углеводородного сырья. По данным последних исследований Геологической службы США, предполагаемые запасы нефти всей Арктики составляют около 90 млрд. баррелей (7% доказанных мировых запасов нефти). Но Арктика богата не столько нефтью, сколько газом, а с разведанными мировыми запасами последнего дело обстоит более благополучно.

Спор России и других арктических держав за ресурсы подводных хребтов Ломоносова и Менделеева в центральной части СЛО представляется во многом надуманным. Если ресурсы там и есть, то подготовка к их освоению затянется на долгие десятилетия и потребует колоссальных инвестиций, тогда как долгосрочное прогнозирование спроса на углеводороды связано сейчас с большой неопределенностью. В любом случае, самостоятельное освоение этих ресурсов Россией едва ли возможно, особенно в условиях экономического кризиса и его вероятных последствий и при противодействии всех остальных арктических государств. И наоборот, выигрыш от долгосрочного технико-экономического сотрудничества России, США и других стран региона может быть очень велик. То же относится к разработке шельфовых ресурсов США и России в Чукотском море.

Новый интерес к СЛО связан и с тем, что, по имеющимся прогнозам, из-за климатических перемен через 5–7 лет Арктика будет летом полностью свободна для транспортного использования. Ожидаемое открытие ото льда Северного морского пути (СМП) в летнее время намного сократит расстояние между странами Атлантики и АТР. Это может создать новые проблемы в отношениях Россия–США. Например, Россия настаивает на контроле над проливом Вилькицкого (между Таймыром и Северной Землей) во имя сохранения безопасности арктической природной среды. Ширина пролива превышает 24 морских мили, и он относится к междуна-

родным проливам, свободным для прохода всех судов. В ответ на это США постоянно поднимают проблему сбрасывания в Арктику ядерных отходов российского Северного флота.

Рост противоречий и соперничества в освоении транспортных коммуникаций СЛО едва ли сулит России какие-либо преимущества, тем более, что остальные арктические страны в этом случае, скорее всего, объединятся против Москвы (все они – члены НАТО и намного превосходят Россию в экономическом и военном отношениях, включая силы ВМС). Как представляется, совместное использование СМП, напротив, может стать сферой широкого международного сотрудничества, прежде всего между Россией и США. Именно в таком контексте в силу своего географического положения Россия способна получать большие экономические выгоды, включая социально-экономическое, инфраструктурное и научно-техническое развитие ныне «заброшенной» зоны арктического побережья.

Наблюдаемый в последнее время рост конфронтационных настроений и амбиций в отношении Арктики не соответствует реально имеющимся там ресурсам и возможностям – во всяком случае, в масштабах глобальной экономики и транспортной инфраструктуры и в свете прогнозируемых долгосрочных последствий текущего экономического кризиса. Ни одна страна и даже союз государств не могут претендовать на монопольные права в этом регионе. Любые попытки проведения такого рода политики будут вести к национальной изоляции, росту противоречий и в конечном итоге к огромным издержкам для всех стран региона. Сама геофизическая специфика и история освоения Арктики являются императивом и даже символом взаимовыгодного международного сотрудничества.

IV. ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В США образ России определяется зачастую антироссийски ориентированными новостными телепрограммами, публикациями в газетах, а также карикатурными типажам голливудских фильмов. Американцы сравнительно редко выезжают в Россию. В этих условиях улучшению российско-американских отношений способствовало бы развитие контактов по неправительственным каналам, которое охватывало бы лидеров общественного мнения США.

Целесообразно расширить программы по воздействию на оценки проблем внутри американского экспертного сообщества, оказывающего заметное влияние на позиции правительственных чиновников, средств массовой информации, и по информированию более широкой общественности. Это подразумевает развитие профессиональных контактов, в рамках которых можно искать совместные подходы к решению острых глобальных и двусторонних вопросов.

В частности, можно продумать создание совместных научных центров на базе российских академических институтов и университетов, с одной стороны, и ведущих исследовательских и образовательных организаций США – с другой. Совместная работа специалистов из двух стран позволила бы вырабатывать идеи и концепции на основе взаимного интереса, носящие более объективный характер.

Особое внимание необходимо уделять молодежным контактам. Например, было бы полезно организовывать поездки для молодых журналистов из США по России, как это делает госдепартамент для данной категории молодежи из стран СНГ.

Целесообразно расширять сотрудничество и по линии неправительственных организаций (НПО), когда условием предоставления финансирования со стороны российских фондов была бы организация совместных проектов с американскими НПО. Это показало бы наличие в России формирующегося гражданского общества, а также способствовало бы тому, чтобы американские НПО занимали по отношению к нашей стране более благожелательную позицию.

Диаспора российского происхождения в США представляет собой естественный ресурс для формирования американской политики, в большей степени учитывающей российские интересы. На этом направлении работу нужно активизировать по линии неправительственных организаций, СМИ.

Полезно изучить методы работы других иностранных правительств в Соединенных Штатах, прежде всего, имеющих большой опыт эффективной лоббистской деятельности (Израиль, Армения, Греция). Для этого требуется проведение крупного комплексного исследования с подключением не только отечественных американистов, но и специалистов и практиков из США и указанных выше государств.

V. СТРУКТУРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Серьезное ухудшение отношений между Россией и США в 2008 г., относительно легкое возрождение настроений «холодной войны» свидетельствуют, в том числе, о дефиците серьезных и эффективных структур и адекватной базы партнерства, цель продвижения к которому была провозглашена на саммите в Любляне в июне 2001 г. и регулярно подтверждалась на встречах в верхах все последующие годы.

К необходимости отстраивания «институциональной инфраструктуры» двустороннего взаимодействия призывают и профессионалы – авторитетные дипломаты двух стран, долгое время занимавшиеся их диалогом. Практика показывает, что даже относительно регулярных встреч на высоком уровне с подробным анализом состояния отношений и постановкой их целей, не подкрепленных работой постоянных групп по различным направлениям, недостаточно для поддержания высокого уровня сотрудничества.

Для успеха и результативности групп, которые целесообразно включить в институциональную инфраструктуру долгосрочной стабилизации российско-американских отношений, желательно соблюдение важного организационного принципа – выхода результатов работы групп на государственное руководство, вплоть до первых лиц.

Важным элементом налаживания конструктивного сотрудничества должно стать возрождение серьезного экспертного диалога по наиболее актуальным вопросам двусторонних отношений. Опыт такого диалога оказался востребованным и принес эффективные результаты в 1980-е гг. Коллективное мнение авто-

ритетных ученых и экспертов, участвующих в таком диалоге, может оказывать влияние на политиков, способно серьезно подкрепить нахождение взаимоприемлемых развязок. Наиболее действенные рекомендации могут быть сформулированы тогда, когда во главе национальных групп будут поставлены крупные ученые, имеющие возможность доводить выработанные предложения до сведения руководства России и США.

Для координации сотрудничества России и США необходимо создать Большую комиссию (по аналогии с Комиссией Гор–Черномырдин). Помимо экономических вопросов, на нее следует возложить обязанности по координации переговоров в сфере разоружения. В повестку дня полезно также включить комплекс гуманитарных вопросов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С учетом того, что значительное внимание в работе уделено конкретным рекомендациям и оценкам тех или иных проблем, в заключении ограничимся некоторыми основными тезисами.

На глобальном уровне безопасность России требует стабилизации и постепенного снижения уровня остаточного ядерного противостояния с США. Путь к этой цели идет через возобновление процесса контроля над вооружениями. С приходом в Белый дом новой администрации можно уверенно ожидать оживления американского интереса к формальным договоренностям с Российской Федерацией. Заключение нового договора по стратегическим наступательным вооружениям взамен СНВ-1, достижение договоренности по ПРО, продвижение по другим разоруженческим темам способно на первых порах создать импульс для общего прогресса в отношениях Россия–США.

В то же время, не следует переоценивать значение контроля над вооружениями в общем комплексе российско-американских отношений: само по себе сотрудничество в данной конкретной сфере не способно вывести их на уровень стратегического партнерства. На региональном уровне России следует:

- В Европе – постараться добиться отказа от форсирования вопросов членства (или ПДЧ) в НАТО Украины и Грузии, решить на приемлемых условиях проблему ПРО, достичь урегулирования в Молдавии, Закавказье и на Балканах, а в перспективе – создать новую систему безопасности в Евро-Атлантическом регионе взамен нынешней, выстроенной вокруг «диполя» НАТО–ЕС.

- На Ближнем и Среднем Востоке и в Южной Азии – наладить эффективное взаимодействие по ограничению производ-

ства наркотиков в Афганистане и пресечению наркопотока из этой страны, общими усилиями предотвратить возвращение талибов к власти в Афганистане, сотрудничать в борьбе с экстремизмом и терроризмом в Центральной Азии и других регионах, в противодействии ядерному терроризму, добиться такого решения иранской ядерной проблемы, которое исключало бы появление у Тегерана ядерного оружия и в то же время предотвратило бы новую войну, и др.

- В Северо-Восточной Азии – продумать создание трехстороннего формата Россия–США–Китай по проблемам экономики и безопасности, последовательно решать северокорейскую ядерную проблему, а в дальнейшем сформировать на основе нынешней шестисторонней переговорной группы по Корее консультативную группу по вопросам коллективной безопасности в Северо-Восточной Азии.

В экономических интересах обеих сторон нужно расширение закупок современных технологий и инвестиций в высокие технологии. Накопленный корпорациями США технологический потенциал представляет для российской экономики значительный интерес, а определенные области российских НИОКР до сих пор привлекательны для американского бизнеса.

Для содействия российской модернизации в первую очередь необходимы: сотрудничество по передовым технологиям, прежде всего нанотехнологиям и биотехнологиям; кооперация по авиастроению и телекоммуникациям, использованию космоса, развитию ядерной энергетики нового поколения, освоению ресурсов Арктики. Россия заинтересована в сотрудничестве по банковскому и страховому бизнесу, ей нужны перекрестные инвестиции, открывающие российским компаниям доступ к науч-

но-техническим и управленческим достижениям США, а также к их финансовым и интеллектуальным ресурсам.

Большую важность имеют: масштабный научно-технический обмен между университетами, лабораториями, научными центрами; возможность для российских студентов получать образование или стажироваться в США; широкое использование технологий дистанционного обучения.

ISBN 978-5-9506-0416-4

Подписано в печать 30.04.2009 г. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,5. Заказ 1297. Тираж 1000 экз.

Отпечатано ЗАО «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Ивовая 2. Тел. (499) 180-9305